

Висенте Бласко-Ибаньес

Мертвые повелевают

Висенте Бласко-Ибаньес

Мертвые повелевают

«Public Domain»

1911

Бласко-Ибаньес В.

Мертвые повелевают / В. Бласко-Ибаньес — «Public Domain»,
1911

«Хаиме Фебреръ поднялся въ девять часовъ утра. Мадò Антоніа, присутствовавшая еще при его крещеніи, ревиительница семейной славы, съ восьми часовъ суежилась въ комнатѣ, приготавливаясь разбудить его. Ей показалось, что недостаточно свѣта проходитъ черезъ жалюзи высокаго окна: она открыла деревянныя, источенныя червями створки, лишенныя стеколъ. Затѣмъ подняла занавѣски изъ красной камки, съ золотыми обшивками, словно палатки раскинутыя надъ широкой постелью, старинной, барской, великолѣпной, на которой рождались, производили потомство и умирали поколѣнія Фебреровъ...»Произведение дается в дореформенном алфавите.

Содержание

Часть первая	5
I	5
II	18
III	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Висенте Бласко Ибаньесъ

Мертвые повелѣвають

Часть первая

I

Хаиме Фебреръ поднялся въ девять часовъ утра. Мадò Антоніа, присутствовавшая еще при его крещеніи, ревиительница семейной славы, съ восьми часовъ суетилась въ комнатѣ, приготовляясь разбудить его. Ей показалось, что недостаточно свѣта проходить черезъ жалюзи высокаго окна: она открыла деревянные, источенныя червями створки, лишенныя стеколъ. Затѣмъ подняла занавѣски изъ красной камки, съ золотыми обшивками, словно палатки раскинутыя надъ широкой постелью, старинной, барской, великолѣпной, на которой рождались, производили потомство и умирали поколѣнія Фебреровъ.

Ночью, вернувшись изъ казино, Хаиме строго – настрого приказаль разбудить себя пораньше. Онъ приглашенъ на завтракъ въ Вальдемосу. Отлично! Было прекраснѣйшее весеннее утро; въ саду хоромъ заливались птицы на цвѣтущихъ вѣтвяхъ, колеблемыхъ морскимъ вѣтромъ дувшимъ поверхъ стѣны.

Служанка вышла въ кухню, увидавъ, что сеньоръ наконецъ, рѣшился разстаться съ постелью. Хаиме Фебреръ почти не одѣтый расхаживаль по комнатѣ передъ окномъ, раздѣленномъ надвое тончайшей колонной. Онъ не боялся, что его увидятъ. Напротивъ находился такой же старинный дворець, – громадный домъ съ небольшимъ числомъ оконъ. Передъ его окномъ тянулись стѣны неопредѣленнаго цвѣта, съ глубокими трещинами и остатками старой окраски. Улица была узкая, и стѣну, казалось, можно было достать рукой.

Хаиме поздно заснулъ: онъ волновался и нервничаль, размышляя о важномъ шагѣ, который ему предстояло утромъ совершить. Отъ тревожнаго, непродолжительнаго сна голова его отяжелѣла; онъ почувствовалъ властную потребность освѣжиться сладостно – прохладной водой. Умываясь въ студенческой, маленькой, простой чашкѣ для бритья, Фебреръ сдѣлаль печальное лицо. О, нищета!.. Не было самыхъ примитивныхъ удобствъ въ этомъ домѣ, домѣ барской, старинной роскоши, – такой роскоши современные богачи не могли создать. Бѣдность, со всѣми ея огорченіями, подстерегала его въ этихъ залахъ, напоминавшихъ блестящія декорации нѣкоторыхъ театровъ, которыя онъ видѣль, путешествуя по Европѣ.

Словно посторонній человѣкъ, впервые входящій въ спальню, съ удивленіемъ разглядываль Фебреръ громадную комнату съ ея высокимъ потолкомъ. Его могущественные предки строили для гигантовъ. Каждая комната дворца была величиною съ новѣйшій домъ. Въ окнѣ не имѣлось стеколъ, какъ и въ остальныхъ окнахъ зданія, и зимою приходилось держать створки затворенными: свѣтъ проникаль тогда лишь черезъ жалюзи окна, почернѣвшія отъ времени, покрытыя осколками стекла. Не было ковровъ на полу изъ песчанаго, мягкаго майорскаго камня, изрѣзаннаго какъ дерево прямоугольниками. Потолки сохраняли еще слѣды блеска старинной штукатурки, то темные, съ искусственными соединеніями, то съ внушительной позолотой, и на ней выступали цвѣтныя поля родовыхъ гербовъ. Высочайшія, просто выбѣленныя известкой стѣны исчезали въ однѣхъ комнатахъ за рядами картинъ, а въ другихъ – за великолѣпными занавѣсками яркихъ цвѣтовъ, не потускнѣвшихъ отъ времени. Спальня была украшена восемью шпалерами цвѣта зелени высохшаго листа: на нихъ – сады, широкія аллеи съ осенними деревьями, съ площадкой въ концѣ, гдѣ бродили олени или струились уединенные ключи въ тройныхъ водоемахъ. Надъ дверьми висѣли старинныя итальянскія, приторно – сла-

щавыя картины: дѣти, сверкая янтарными тѣлами, играли съ курчавыми ягнятами. Арка, отдѣлявшая спальню въ точномъ смыслѣ слова отъ остальной части комнаты, имѣла нѣсколько триумфальный видъ: колонны съ желобками поддерживали рѣзную листву, – все изъ блѣднаго, скромнаго золота, словно у алтаря. На столѣ восемнадцатаго вѣка красовалось многоцвѣтное изображеніе св. Георгія, топчущаго мавровъ своимъ скакуномъ. Дальше – кровать, импонирующая кровать, памятникъ семейной гордости. Нѣсколько старинныхъ кресель, съ кривыми ручками, съ краснымъ выщѣпшимъ и вылѣзшимъ бархатомъ – мѣстами виднѣлась бѣлая рама – стояли въ перемежку съ соломенными стульями и плохенькимъ умывальникомъ. «О, нищета!» – снова подумалъ собственникъ майората. Старый, огромный домъ Фебреровъ, съ его красивыми окнами безъ стеколъ, съ его залами въ шпалерахъ, но безъ ковровъ, съ его почтенною мебелью, перемѣшанною съ самыми жалкими предметами, походилъ на принца въ нищетѣ, еще гордо драпирующагося въ блестящій плащъ и со славной короной на головѣ, но необутаго и безъ бѣлья.

Таковъ былъ этотъ дворецъ, величественная, пустая громада, – нѣкогда хранительница славы и богатствъ его предковъ. Одни были купцами, другіе – воинами, третьи – мореправителями. Гербы Фебреровъ развевались на вымпелахъ и флагахъ болѣе чѣмъ полсотни марсовыхъ судовъ – цвѣта майорскаго флота, которыя, получивъ приказанія въ Пуэрто Пи, отправлялись продавать островное масло въ Александрію, грузили пряности, шелкъ и благовонія Востока въ Мало – Азіатскихъ гаваняхъ, торговали съ Венеціей, Пизой и Генуей или, минуя Геркулесовы столбы, пропадали въ туманахъ сѣверныхъ морей и возили во Фландрію и Ганзейскія республики полуфарфоръ валенсійскихъ морисковъ, называвшійся у иностранцевъ майоликой, изъ-за его маіоркскаго происхожденія. Постоянное плаваніе по морямъ, кишѣвшимъ пиратамъ, сдѣлало изъ семьи богатыхъ купцовъ племя храбрыхъ солдатъ. Фебреры сражались или заключали союзы съ турецкими, греческими и алжирскими корсарями, эскортируя ихъ флоты по сѣвернымъ морямъ, грозя английскимъ пиратамъ, и однажды, при входѣ въ Босфоръ, ихъ галеры даже напали на генуэзцевъ, монополизировавшихъ торговлю съ Византіей. Потомъ эта династія морскихъ воиновъ, прекративъ торговое мореплаваніе, платила дань кровью, защищая христіанскія королевства и католическую вѣру, отрядивъ часть своихъ сыновей въ святую милицію мальтійскихъ рыцарей. Младшіе члены дома Фебреровъ, вмѣстѣ съ водой крещенія, получали на свои пеленки вышитый бѣлый восьмиконечный крестъ, символизировавший восемь блаженствъ. Придя въ зрѣлый возрастъ, они командовали воинственными галерами Ордена и кончали свои дни богатыми мальтійскими командорами, повѣствуя о своихъ подвигахъ дѣтямъ своихъ племянницъ. и поручая уходъ за своими недугами и ранами невѣрнымъ рабынямъ, жившимъ съ ними, не смотря на объѣтъ цѣломудрія. Знаменитые монахи, проѣзжая черезъ Майорку, изъ крѣпости Альмудайны дѣлали визиты во дворецъ Фебреровъ. Одни были адмиралами королевскаго флота, другіе губернаторами отдаленныхъ областей. Нѣкоторые покоились вѣчнымъ сномъ въ соборѣ Ла Вилетте: вмѣстѣ съ другими славными майоркинцами; Хаиме видѣлъ ихъ гробницы при посѣщеніи Мальты. Пальмская «Лонха» (биржа), красивое готическое зданіе около моря, въ теченіе вѣковъ было леннымъ владѣніемъ его предковъ. Фебрерамъ принадлежало все, что выбрасывали на сосѣдній моль галеры съ высокими башнями, кенги съ тяжелыми остовами, легкія фусты, суда съ косыми парусами, плоты и другія суда тѣхъ временъ. И въ громадномъ, колонномъ залѣ «Биржи», у соломоновыхъ колоннъ, терявшихся во мракѣ сводовъ, его предки принимали, словно короли, восточныхъ мореплавателей, въ широкихъ шароварахъ и ярко – пурпурныхъ колпакахъ, генуэзцевъ и провансальцевъ въ короткихъ плащахъ съ клобуками, храбрыхъ вождей острова въ красныхъ остроконечныхъ каталонскихъ шапкахъ. Венеціанскіе купцы посылали своимъ майоркскимъ друзьямъ мебель краснаго дерева съ изящной рѣзбой изъ слоновой кости и глазури или большія зеркала съ голубымъ стекломъ и кристальной рамкой. Возвращавшіеся изъ Африки мореплаватели привозили пучки страусовыхъ перьевъ, слоновые клыки. И тѣ и дру-

гія драгоцѣнныя вещи шли на украшеніе заль дома, благоухающихъ таинственными духами – подаркомъ азіатскихъ товарищей.

Фебреры въ продолженіе вѣковъ были посредниками между востокомъ и западомъ, сдѣлали изъ Майорки складъ экзотическихъ продуктовъ, которые ихъ корабли развозили по Испаніи, Франціи и Гоіландіи. Баснословныя богатства текли въ домъ. Иногда Фебреры устраивали займы королямъ. Но не смотря на это минувшей ночью Хаиме, послѣднему изъ рода, проигравшему все, что имѣлъ (нѣсколько сотъ песетъ) пришлось, чтобы отправиться утромъ въ Вальдемосу, взять деньги у контрабандиста Тони Клапеса, грубаго, но смышленнаго чело-вѣка, самага вѣрнаго и безкорыстнаго изъ его пріятелей.

Причесываясь, Хаиме посмотрѣлъ въ старинное зеркало, расколотое, съ туманнымъ стекломъ. Тридцать шесть лѣтъ: не могъ пожаловаться на наружность! Безобразенъ, грандіозно безобразенъ, какъ выражалась женщина, имѣвшая нѣкоторое вліяніе на его судьбу. Уродство доставило ему однажды успѣхи въ любви. Миссъ Мэри Гордонъ, бѣлокурая идеалистка, дочь губернатора англійскаго архипелага въ Океаніи путешествовавшая по Европѣ въ сопровожденіи одной довѣренной особѣ, познакомилась съ нимъ какъ-то лѣтомъ въ мюнхенскомъ отелѣ и, очарованная, сдѣлала первыя шаги. Испанецъ, по мнѣнію миссъ, былъ живымъ портретомъ Вагнера въ молодости. И, улыбаясь пріятному; воспоминанію, Фебреръ разсматривалъ свой шарообразный лобъ, придавившій, казалось, своей тяжестью внушительные, маленькіе, ироническіе глаза, отгнѣнные толстыми бровями. Носъ острый, орлиный, – носъ, какъ у всѣхъ Фебреровъ, смѣлыхъ хищныхъ птицъ морскихъ пустынь; презрительный, поджатый ротъ; выдающийся подбородокъ, покрытый нѣжной и рѣдкой растительностью бороды и усовъ. О, восхитительная миссъ Мэри! Съ годъ продолжалось веселое сгранствование по Европѣ. Она, безумно влюбленная въ него благодаря сходству съ геніемъ, хотѣла выйти за него замужъ и толковала ему о милліонахъ губернатора, мѣшая романтическіе восторги съ практическими наклонностями своей расы. Но Фебреръ, въ концѣ концовъ, сбѣжалъ, не дожидаясь, пока англичанка промѣняетъ его на какого-нибудь режиссера оркестра, чело-вѣка, болѣе похожаго на ея кумира.

Охъ, женщины!.. И Хаиме расправлялъ свое крѣпкое, мужественное тѣло, нѣсколько сутулое, благодаря чрезмѣрному росту. Уже давно онъ рѣшилъ не интересоваться ими. Легкая сѣдина въ бѣродѣ, легкія морщинки на кожѣ въ углахъ глазъ говорили объ утомленіи жизнью, несшейся, по его словамъ, «на полныхъ парахъ», Но женщины все – таки еще шли къ нему на встречу.

Именно любовь должна была спасти его изъ бѣдственнаго положенія.

Окончивъ туалетъ онъ вышелъ изъ спальни. Прошелъ громаднѣйшую залу, освѣщенную солнечными лучами, падавшими сквозь отверстія закрытыхъ оконъ. Полъ былъ въ тѣни, а стѣны сверкали, словно садъ яркими красками, въ безконечныхъ шпалерахъ съ фигурами вдвое большими обычныхъ. Тутъ красовались миѳологическія и библейскія сцены, вызывающія дамы, съ полнымъ, розовымъ тѣломъ сіреди красныхъ и зеленыхъ воиновъ, громадныя колоннады, дворцы въ цвѣточныхъ гирляндахъ, турецкія сабли на – голо, головы на землѣ; группы толстобрюхихъ коней, съ поднятой ногой – цѣлый міръ старыхъ легендъ, въ свѣжихъ, пестрыхъ тонахъ, несмотря на многовѣковую давность, окаймленный рамкой яблокъ и листвы.

Проходя, Фебреръ ироническимъ взглядомъ окинулъ эти богатства, унаслѣдованныя отъ предковъ. Ему ничего не принадлежало. Больше года шпалеръ этой залы и спальни составляли собственность пальмскихъ ростовщиковъ. Ростовщики оставили ихъ висѣть на прежнемъ мѣстѣ. Они дожидались какого-нибудь любителя – богача, который заплатилъ бы болѣе щедро, въ увѣренности, что пріобрѣтаетъ ихъ отъ самого владѣльца. Хаиме былъ простымъ хранителемъ, и въ случаѣ недобросовѣстнаго наблюденія за ними ему грозила тюрьма.

Въ срединѣ залы онъ машинально, въ силу привычки, сдѣлалъ небольшой обходъ, но расхохотался, увидавъ, что ничто не преграждаетъ ему дороги. Мѣсяць тому назадъ здѣсь сто-

яль итальянскій столъ изъ драгоцѣннаго мрамора, привезенный знаменитымъ командиромъ дономъ Пріамо Фебреромъ послѣ одной каперской экспедиціи. Дальше также дорога была свободна. Громадная серебряная жаровня на серебряной же подставкѣ, съ ангелочками кругомъ, поддерживавшими это сооруженіе, Ферберъ превратилъ въ деньги, продавъ на вѣсь. Жаровня заставила его вспомнить о золотой цѣпи, подарокъ императора Карла V одному предку. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ продалъ цѣпь въ Мадридѣ также на вѣсь, получивъ въ придачу двѣ золотыхъ унціи за артистическую работу и древность. Послѣ до него дошли слухи, что ее купили въ Парижѣ за сто тысячъ франковъ. О, нищета! Кабальеро не могутъ жить въ нынѣшнія времена. Его взглядъ упалъ на громадные блестящія шкатулки венеціанской работы, на старинныхъ столахъ, поддерживаемыхъ львами. Казалось, онѣ сдѣланы для гигантовъ, съ безчисленными, глубокими ящиками, на лицевой сторонѣ которыхъ, покрытыхъ яркой эмалью, изображены были мифологическія сцены. Четыре великолѣпныя вещи для музея: легкое воспоминаніе о быломъ великолѣпнѣи дома. Также не принадлежали. Онѣ раздѣлили участь шпалеръ и ожидали здѣсь себѣ покупателя. Фебреръ былъ простымъ консьержемъ собственнаго жилища. Въ свою очередь, принадлежали кредиторамъ итальянскія и испанскія картины, украшавшія стѣны двухъ сосѣднихъ кабинетовъ, старинная мебель съ протертымъ и испорченнымъ шелкомъ, но съ красивой рѣзбой, – однимъ словомъ, все, что сохранилось сколько-нибудь цѣннаго отъ остатковъ накоплявшагося вѣками наслѣдства.

Онъ вошелъ въ пріемную залу, обширную комнату въ центрѣ зданія, прохладную, съ высочайшимъ потолкомъ, сообщавшуюся съ лѣстницей. Бѣлыя стѣны съ годами приняли желтоватый цвѣтъ слоновой кости. Чтобъ увидать черный лѣпной потолокъ, требовалось закинуть голову назадъ. Помимо нижнихъ оконъ залу, громадную и строгую, освѣщали окна у карниза. Мебель немногочисленная, монастырская: помѣстительныя кресла съ плетеными сидѣньями и стѣнками, украшенными гвоздями; дубовые столы на изогнутыхъ ножкахъ; темные сундуки съ заржавѣвшими замками, на подстилкахъ изъ зеленого, изъѣденнаго молью сукна. Лишь желтоватая бѣлизна стѣнъ выступала, словно рѣшетка, между рядами картинъ; – многія изъ нихъ безъ рамокъ. Были сотни картинъ; всѣ плохія и въ тоже время интересныя, писанныя по заказу, чтобы увѣковѣчить славу рода, произведенія старинныхъ итальянскихъ и испанскихъ художниковъ, проѣзжавшихъ черезъ Майорку. Чарами преданій, казалось, вѣяло въ этихъ картинахъ. Здѣсь говорила исторія Средиземнаго моря, написанная неумѣлыми или даровитыми кистями: встрѣчи галеръ, штурмы крѣпостей, великія морскія битвы: клубы дыма; а надъ ними вымпела кораблей и высокія носовыя башни съ развѣвающимися знаменами малтійскаго креста или полумѣсяца. Люди сражались въ закрытыхъ судахъ или лодкахъ, рядомъ съ судами; море, покраснѣвшее отъ крови или пламени судовъ, пестрѣло сотнями головъ тѣхъ, чьи суда потонули; послѣдніе, въ свою очередь, вели битву между собою среди волнъ. Масса шлемовъ и шляпъ съ опущенными полями бросалась на корабля, усѣянныя массой бѣлыхъ и красныхъ турбановъ; а надъ ними возвышались мечи и пики, сабли и абордажные топоры. Выстрѣлы пушекъ и ракеты красными огнями прорѣзывали дымъ битвы. На другихъ полотнахъ, менѣе темныхъ, виднѣлись крѣпости, изрыгавшія пламя черезъ бойницы, а у подножія ихъ воины съ бѣлыми, восьмиконечными крестами на панцыряхъ, ростомъ почти съ башню, приставлями къ стѣнамъ лѣстницы для штурма.

Рядомъ съ картинами бѣлыя дощетки, опять-таки съ изображеніями герба, и на нихъ, крупными буквами, съ дефектами, повѣствованія объ успѣхахъ: побѣдоносныхъ встрѣчахъ съ галерами Великаго Турка или съ пизанскими, женовскими, бискайскими пиратами; о войнахъ въ Сардиніи; и штурмахъ Бужи и Теделица. И во всѣхъ этихъ предпріятіяхъ какой-нибудь Фебреръ руководилъ сражавшимися или же отличился своимъ героизмомъ. Но всѣхъ превзошелъ командоръ донъ Пріамъ, дьявольски смѣлый герой, шутникъ и мало вѣрующій, слава и позоръ рода.

Въ перемѣшку съ военными сценами висѣли фамильные портреты. Вверху, подъ старинными картинами, изображавшими евангелистовъ и мучениковъ и образывавшими фризь, красовались болѣе древніе Фебреры, почтенные майорскіе купцы, нарисованные нѣсколько столѣтій спустя послѣ ихъ смерти: важные мужи съ еврейскими носами и острыми глазами, съ драгоценностями на груди, въ высокихъ круглыхъ шапкахъ восточнаго образца. Дальше шли военные, вооруженные мореплаватели, съ выбритыми головами и профилемъ хищныхъ птицъ: всѣ въ черныхъ стальныхъ доспѣхахъ, нѣкоторые съ бѣлымъ мальтійскимъ крестомъ. Съ каждымъ портретомъ черты лица становились тоньше, но выпуклый черепъ и характерный носъ сохранялись. Воротникъ рубашки, широкій, свободный, изъ грубой шерсти, постепенно поднимался, уступая мѣсто накрахмаленному, выглаженному складками. Панцырь превращался въ бархатную или шелковую безрукавку. Жесткія, широкія бороды à la императоръ смѣнялись заостренными бородками и усами, и на лобъ нависали букли. Среди грубыхъ воиновъ и элегантныхъ кавалеровъ выдѣлялись черныя платья священнослужителей съ усиками и бородками, въ высокихъ четырехъугольныхъ шапочкахъ съ кисточками. Одни были достоуважаемые мальтійскіе монахи, судя по бѣлымъ отличіямъ на груди, – другіе – почтенные майорскіе инквизиторы, судя по легендѣ объ ихъ ревностномъ служеніи вѣрѣ. За этими сеньорами, черными, съ внушительнымъ выраженіемъ лица, суровыми глазами, дефилировали мужчины въ бѣлыхъ парикахъ, обритые – потому лица ихъ казались дѣтскими – въ великолѣпныхъ мундирахъ изъ шелка и золота, въ лентахъ и орденахъ. Это были неизмѣнные рехидоры города Пальмы; маркизы, чьи маркизскія прерогативы благодаря брачнымъ связямъ были потеряны для семьи – ихъ титулы мѣшались съ титулами знати Полуострова; губернаторы, главнокомандующіе, вице – короли американскихъ и океанійскихъ земель; ихъ имена воскрешали видѣнія фантастическихъ богатствъ; энтузіасты *botiflers*, сторонники Бурбоновъ съ самого начала, принужденные затѣмъ бѣжать изъ Майорки, послѣдняго оплота Австріи, въ качествѣ почетнаго титула, носившіе прозвище *butifarras* (продавцы вывареннаго мяса свиныхъ головъ), данное имъ враждебнымъ населеніемъ. Замыкая славные ряды, почти въ уровень съ мебелью висѣли портреты послѣднихъ Фебреровъ, начала XIX в., офицеровъ Армады, съ короткими бакенбардами, локонами на лбу, въ высокихъ воротникахъ, украшенныхъ золотыми якорями и черными галстуками: они сражались при мысѣ Санъ Висенте и Трафальгарѣ. За ними слѣдоваль прадедушка Хаиме, старикъ съ суровыми глазами и презрительными складками рта: при возвращеніи Фернандо VII изъ французскаго плѣна онъ отправился чтобы броситься въ Валенсію къ его ногамъ и, вмѣстѣ съ остальными грандами, требовать возстановленія старинныхъ обычаевъ и истребленія нарождающейся чумы либерализма. Патріархъ многочисленнаго потомства, онъ проливалъ кровь въ разныхъ округахъ острова, преслѣдуя крестьянокъ, ничуть не теряя при этомъ величія. Протягивая свою руку для поцѣлуя одному изъ сыновей, жившихъ при немъ и носившихъ его имя, онъ произносилъ торжественнымъ голосомъ: «Да сдѣлаетъ изъ тебя, Господь, хорошаго инквизитора!»

Между портретами славныхъ Фебреровъ виднѣлось нѣсколько женскихъ. Это были сеньоры, въ другихъ платьяхъ, во все полотно, похожія на женщинъ, которыхъ рисоваль Веласкесъ. Одна изъ нихъ, съ хрупкимъ бюстомъ, высовывавшимся изъ цвѣтнаго, бархатнаго колокола ея юбокъ, съ остроконечнымъ, блѣднымъ лицомъ, съ безцвѣтной перевязью среди локоновъ и буклей, – знаменитая въ роду, прозванная гречанкой за ея знаніе греческаго языка. Ея дядя, братъ Эспиридіонъ Фебреръ, доминиканской пріоръ, великій свѣточъ своей эпохи, былъ ея учителемъ, и гречанка умѣла писать на своемъ языкѣ восточнымъ пріятелямъ – купцамъ, еще поддерживавшимъ съ Майоркой слабыя сношенія.

Взглядъ Хаиме упалъ черезъ нѣсколько полотень дальше (разстояніе равное цѣлому вѣку), на портретъ другой знаменитой въ роду женщины. Дѣвушка въ бѣломъ парикѣ; одѣта какъ взрослая женщина; въ юбкѣ со складками, въ фижмахъ, по модѣ XVIII стол. Она стояла у стола, рядомъ съ португальской вазой цвѣтовъ. и въ безкровной правой рукѣ держала

розу, подобную томату, смотрѣла на нее глазками фарфоровой куклы. Ее прозвали римлянкой. Надпись къ портрету говорила, въ витіеватомъ стилѣ эпохи, объ ея умѣ, объ ея познаніяхъ, и оплакивала ея смерть въ одиннадцатилѣтнемъ возрастѣ. Женщины являлись какъ бы сухими побѣгами на мужественномъ стволѣ Фебреровъ, воителей, полныхъ избытка жизни. Ученость быстро отцвѣтала въ роду моряковъ и воиновъ, какъ растеніе, случайно выросшее въ чужомъ климатѣ.

Размышляя объ истекшей ночи и о поѣздкѣ въ Вальдемосу, Хаиме оставался въ пріемной залѣ и созерцалъ портреты предковъ. Сколько славы и сколько пыли! Вотъ уже лѣтъ двадцать сострадательная тряпка не прогуливалась по славному роду, не придавала ему нѣсколько болѣе благообразной внѣшности. Отдаленные предки и знаменитыя битвы покрыты паутиной. Какъ! Кредиторы не хотѣли пріобрѣсть этотъ музей славы, ссылаясь на то, что картины плохи! Нельзя передать этихъ воспоминаній богачамъ, жаждущимъ создать себѣ славную родословную!

Хаиме прошелъ пріемную и направился въ помѣщеніе противоположнаго крыла. Комнаты съ болѣе низкимъ потолкомъ; надъ ними имѣлся второй этажъ, гдѣ нѣкогда жилъ дѣдъ Фебрера; Сравнительно новая обстановка, старая мебель въ стилѣ Имперіи, на стѣнахъ раскрашенныя эстампы романтическаго періода, изображавшія злоключенія Атала, любовь Матильды и подвиги Эрнана Кортеса. На пузатыхъ комодахъ – многоцвѣтныя изображенія святыхъ и распятіе изъ слоновой кости, между пыльными цвѣтами изъ матеріи, подъ стеклянными колпаками. Коллекція самострѣловъ, стрѣль и ножей напоминали о Фебрерѣ капитанѣ королевскаго корвета, совершившемъ кругосвѣтное путешествіе въ концѣ XVIII вѣка Пурпурныя раковины, огромныя морскія улитки, начиненныя жемчугомъ, украшали столы.

Направляясь по корридору къ кухнѣ, Хаиме прошелъ мимо часовни, съ одной стороны, запертой уже много лѣтъ, и, съ другой стороны, прямо къ двери архива, большой комнаты, окна которой выходили въ садъ, въ которой, по возвращеніи изъ своихъ путешествій, онъ провелъ много вечеровъ, перебирая акты, хранимые за мѣдными рѣшетками старинныхъ шкаповъ.

Онъ явился въ кухню, громадное помѣщеніе, гдѣ когда-то приготовлялись знаменитыя пиршества Фебреровъ, окруженныхъ паразитами, гостепрійныхъ по отношенію ко всѣмъ друзьямъ, пріѣзжавшимъ на островъ. Маддъ Антонія казалась маленькой въ этомъ безконечномъ помѣщеніи съ высокими потолками, у большой трубы очага, способнаго поглотить громадную кучу древесныхъ стволовъ и поджаривать одновременно рядъ блюдъ. Скамейки хлѣбныхъ печей могли – бы сослужить службу цѣлой общинѣ. Чистота помѣщенія свидѣтельствовала, что имъ не пользовались. На большихъ стѣнныхъ крюкахъ отсутствовала мѣдная посуда, нѣкогда составлявшая блескъ этой монастырской кухни. Старуха – служанка готовила въ маленькой печкѣ, возлѣ квашни, гдѣ мѣсила хлѣбъ.

Хаиме, крикнувъ, предупредилъ маддъ Антонію о своемъ присутствіи и вышелъ въ сосѣднюю комнату, небольшую столовую, которой пользовались послѣдніе Фебреры, нѣсколько обѣднѣвшіе: они бѣжали изъ великолѣпной залы, мѣста бывшихъ пиршествъ.

И здѣсь замѣчались слѣды бѣдственнаго положенія. Широкій столъ былъ покрытъ потрескавшейся клеенкой сомнительной чистоты. Поставцы были почти были пусты. Старинная полуфарфоровая посуда разбилась; ее замѣнили блюдами и кружками грубаго издѣлія. Два открытыя въ глубинѣ комнаты окна обрамляли обрывки моря, темно – синяго, неспокойнаго, трепетавшаго подъ пламенемъ солнца. Около оконъ задумчиво раскачивались вѣтви пальмы. Вдали на горизонтѣ вырисовывались бѣлыя крылья шхуны, двигавшейся къ Пальмѣ, медленно, какъ усталая чайка.

Вошла маддъ Антонія, поставила на столъ чашку кофе съ молокомъ, отъ которой подымался паръ, и большой кусокъ хлѣба, намазанный масломъ. Хаиме съ жадностью набросился на завтракъ и, жуя хлѣбъ, сдѣлалъ недовольный жестъ. Маддъ согласилась кивкомъ головы и принялась говорить на своемъ майоркскомъ нарѣчій.

Очень жесткий, правда?.. Этого хлѣба нельзя сравнить съ булками, которыя сеньоръ кушалъ въ казино. Но вина – не ея. Она хотѣла замѣсить днемъ раньше, да не было муки, и она ожидала, что мужикъ Сона Фебреръ внесетъ плату. Неблагодарный, забывчивый народъ!

Старуха – служанка подчеркивала свое презрѣніе къ мужику – земледѣльцу Сона Фебрера, помѣстья, послѣдней опоры дома. Крестьянинъ всѣмъ обязанъ былъ благосклонности рода и теперь, въ трудныя минуты, забывалъ своихъ господъ.

Хаиме продолжалъ жевать, думая о Сонѣ Фебрерѣ. И оно не принадлежало ему, хоть онъ и вообразалъ; себя его владѣльцемъ. Это имѣніе, расположенное въ центре острова – лучшая доля наслѣдія предковъ – онъ заложилъ, и съ минуты на минуту могъ его потерять. Небольшая рента, установленная традиціей, помогала ему единственно выплачивать часть процентгвъ по займу, при чемъ остальные суммы долга нарастали. Оставались *aldeshalas*, спеціальныя взносы, которыя, согласно древнимъ м, крестьянинъ долженъ былъ дѣлать. Этими взносами существовали онъ и мадѣ Антонія, затерянные въ огромномъ домѣ, могущемъ помѣстить подъ своею кровлей цѣлое племя. На Рождествѣ и на Пасхѣ Ханме получалъ пару ягнятъ и дюжину домашней птицы, осенью – двухъ откормленныхъ на убой свиней; а ежемѣсячно яйца, извѣстнаго количество муки и разные фрукты, смотря по сезону. Благодаря *aldohalas*, часть ихъ потреблялась въ домѣ, часть продавалась служанкой – Хаиме, и мадѣ Антонія получали возможность жить въ уединенномъ дворцѣ, укрываясь отъ любопытства толпы, какъ потерпѣвшіе кораблекрушеніе на пустынномъ островѣ. Съ каждымъ разомъ размѣры особыхъ приношеній сокращались. Крестьянинъ, съ мужицкимъ эгоизмомъ, избѣгающемъ бѣды, все неохотно исполнялъ свои обязательства. Онъ зналъ, что владѣлецъ майората не являлся уже истиннымъ хозяиномъ Сона Фебреръ, и чаето, прїѣзжая въ городъ со своими подарками, онъ крутилъ по дорогѣ и завозилъ ихъ кредиторамъ, страшнымъ людямъ, которыхъ ему хотѣлось умилоствовать.

Печально смотрѣлъ Хаиме на служанку, продолжавшую стоять передъ нимъ. Она была когда-то крестьянкой и сохранила мѣстный костюмъ: темную юбку съ двойнымъ рядомъ пуговицъ на рукавахъ, свѣтлую, полосатую кофту, на головѣ платокъ, бѣлую вуаль, прилегавшую къ шеѣ и груди; изъ – подъ вуали выбивалась толстая коса (фальшивая, очень черная), перевязанная въ концѣ широкими бархатными бантиками

– Нужда, мадѣ Антонія – заговорилъ сеньоръ на томъ же нарѣчїи. – Всѣ бѣгутъ отъ бѣдныхъ, и въ одинъ прекрасный день, если бродяга не принесетъ, что долженъ, намъ останется только съѣсть другъ друга, какъ потерпѣвшимъ кораблекрушеніе.

Старуха улыбнулась: сеньоръ постоянно веселъ. Онъ – живой портретъ своего дѣдушки дѣна Горасіо, вѣчно серьезнаго, съ лицомъ, внушавшимъ страхъ, но какого шутника!..

– Это должно кончиться, – продолжалъ Хаиме, не обращая вниманія на веселый тонъ служанки. – Это кончится сегодня: я рѣшилъ... Узнай мадѣ о. Теперь же я женюсь.

Служанка набожно скрестила руки, выражая свое изумленіе, и подняла глаза кверху, Святѣйшій Христосъ *de la Sangre!* Пора... Слѣдовало бы сдѣлать это раньше, и тогда иное случилось бы положеніе. Въ ней проснулось любопытство: съ жадностью крестьянки она спросила:

– Богата?

Утвердительный жестъ сеньора ее не удивилъ. Непремѣнно должна быть богатой. Только женщина съ большимъ состояніемъ могла рассчитывать на бракъ съ послѣднимъ изъ Фебреровъ, которые были самыми знаменитыми людьми на островѣ, а, значитъ, и въ цѣломъ мірѣ. Бѣдная мадѣ подумала о своей кухнѣ, силой воображенія мгновенно украсила ее блистающей, словно золото, мѣдной посудой: всѣ печи затоплены, масса дѣвушекъ съ засученными рукавами, откинутыми *rebosillo*, развѣвающимися косами, и она посрединѣ, сидитъ въ креслѣ, отдаетъ приказанія, вдыхаетъ въ себя легкій восхитительный паръ, подымающійся изъ кастрюль.

– Молодая! – утвердительнымъ тономъ произнесла старуха, желая заполучить отъ сеньора болѣе подробныя свѣдѣнія.

– Да, молодая. Гораздо моложе меня. Слишком молодая: всего двадцать два года. Пожалуй, гожусь ей въ отцы.

Мадò сдѣлала протестующій жестъ. Донъ Хаиме – самый бравый человекъ на островѣ. Это говорила она, восхищавшаяся имъ еще тогда, когда водила его въ коротенькихъ панталонахъ, за руку гулять среди сосенъ у Бельверскаго замка. Она была своимъ человекомъ въ семьѣ знатныхъ господъ – этимъ все сказано.

– Изъ хорошаго дома? – продолжала она выпытывать у лаконически отвѣчавшаго сеньора. – Изъ семьи кабальеро: несомнѣнно, изъ лучшаго рода на островѣ... Но нѣтъ, догадываюсь: изъ Мадрида. Сосватались, когда ваша милость тамъ жила.

Хаиме нѣсколько минутъ колебался, поблѣднѣлъ и затѣмъ сказалъ съ грубой рѣшимостью, стараясь скрыть смущеніе:

– Нѣтъ, мадò... Чуета.¹

Антоніи приходилось скрестить руки, какъ за нѣсколько мгновеній передъ тѣмъ, снова призвать Кровь Христову, чтимую въ Пальмѣ; но вдругъ разгладились морщины на ея смугломъ лицѣ, и она принялась смѣяться. Что за веселый сеньоръ! Точь – въ – точь какъ дѣдушка – говорилъ самыя съ ногъ сшибательныя, самыя невѣроятныя вещи съ серьезнымъ видомъ и обманывалъ людей. И она, бѣдная дурочка, повѣрила такой нелѣпицѣ! Все на счетъ женитьбы – ложь.

– Нѣтъ, мадò. Я женюсь на чуетѣ... Женюсь на дочери дона Бенито Вальса. Для этого и отправляюсь сегодня въ Вальдемосу.

Тихій звукъ голоса Хаиме, его опущенные глаза, робкій тонъ, которымъ онъ прошепталъ эти слова, не оставляли никакихъ сомнѣній. Служанка остановилась съ разинутымъ ртомъ, упавшими безпомощно руками и не имѣла силъ поднять ни глазъ, ни рукъ.

– Сеньоръ... Сеньоръ... Сеньоръ!..

Только и могла она произнести. Словно ударилъ громъ и потрясъ старый домъ; словно надвинулась черная туча и заслонила собою солнце; словно море стало свинцовымъ и пошло косматыми волнами на стѣну. Но... все было попрежнему, – лишь ее поразило изумительная новость, способная перевернуть вверхъ дномъ все существующее.

– Сеньоръ... Сеньоръ... Сеньоръ!..

И, захвативъ пустую чашку съ остатками хлѣба, она бросилась бѣжать: ей хотѣлось какъ можно скорѣе спрятаться въ кухню. Послѣ такого ужаснаго извѣстія домъ внушалъ ей страхъ. Кто-то долженъ былъ ходить по величественнымъ заламъ другой части зданія; кто – именно, она не могла себѣ объяснить, но кто-то, разумѣется, пробудившійся отъ вѣкового сна. Этотъ дворецъ, несомнѣнно, имѣлъ душу. Когда старуха оставалась въ немъ одна, мебель трещала, какъ будто разговаривала между собой, колебались шпалеры, приводимыя въ движеніе невидимой силой, дрожала въ углу золоченая арфа бабушки дона Хаиме, она не испытывала страха: Фебреры были добрые люди, простые, великодушные къ своимъ слугамъ. Но теперь, послѣ такого извѣстія!.. Старуха съ нѣкоторой тревогой думала о портретахъ, украшавшихъ пріемную залу. Какія были бы лица у этихъ сеньоровъ, если бы до нихъ донеслись слова ихъ потомка! Какъ поглядѣли бы они!

Допивая остатки кофе, приготовленнаго для барина, мадò Антонія, нѣсколько успокоилась. Теперь она испытывала не страхъ, а глубокую скорбь объ участи дона Хаиме, словно ему угрожала смертельная опасность. Закончить такъ родъ Фебреровъ! И Господь потерпитъ это? Чувство презрѣнія къ барину вдругъ заступило мѣсто стариинной нѣжности. Въ концѣ концовъ, бездѣльникъ, забывшій вѣру и добрыя нравы, спустившій остатки родового состоянія! Что скажутъ его слабые родственники? Какой позоръ для тетки, доньи Хуаны, благородной сеньоры, самой святой на островѣ, гордой, своими предками, которую одни въ шутку

¹ Прозвище потомковъ евреевъ.

другіе въ избыткѣ благоговѣйной почтительности называли «папессой».

– Прощай, мадò... Къ ночи вернусь.

Старуха ворчаньемъ привѣтствовала Хаиме, просунувшаго голову въ дверь на прощанье. Затѣмъ, оставшись одна, подняла рукн, призывая помощь Крови Христовой, Дѣвы Люча, покровительницы острова, и удивительнаго въ Висенте Феррера, столько чудесъ сотворившаго, во время своего проповѣдничества въ Майоркѣ. Еще одно чудо свяитель – чудотворецъ! надо предотвратить чудовищное дѣло, замышленное ея сеньоромъ!.. Пусть скатится съ горь глыба и навсегда преградить путь въ Вальдемосу; пусть опрокинется экипажъ, и дона Хаиме принесутъ четыре человѣка... все лучше, чѣмъ такой позоръ!

Фебреръ прошелъ черезъ пріемную, открылъ дверь на лѣстницу и началъ спускаться по мягкимъ ступенькамъ. Его предки, какъ вся знать острова, строили en grand. Лѣстница и подъѣздъ занимали третью часть нижняго этажа дома. За лѣстницей тянулася своеобразная итальянская ложа, съ пятью арками, покоившимися на тонкихъ колоннахъ, а по концамъ ея двѣ двери вели въ верхнія крылья зданія. По срединѣ ея периль, поставленныхъ на выступѣ лѣстницы, противъ сѣней, находился каменный гербъ Фебреровъ съ большимъ желѣзнымъ фонаремъ.

Спускаясь, Хаиме палкой постукивалъ по песчанымъ камнямъ ступенекъ или дотрагивался до большихъ глазированныхъ амфоръ, украшавшихъ площадки лѣстницы: амфоры отдавали ударъ звучно, какъ колоколь. Желѣзные перила, окислившіяся отъ времени, распадавшіяся на покрытыя ржавчиной чешуйки, дрожали почти всѣми своими частицами при шумѣ шаговъ.

Подойдя къ подъѣзду, Фебреръ остановился. Безусловная рѣшительность, и твердость, обѣщавшая навсегда опредѣлить судьбу его имени, заставляла его съ любопытствомъ осматривать мѣста, по которымъ онъ раньше изо дня въ день проходилъ равнодушно.

Нигдѣ въ другихъ частяхъ зданія не напоминало о себѣ такъ рельефно бывшее благоденствіе. Подъѣздъ, громадный, какъ площадь, могъ вмѣстить въ себѣ дюжину каретъ и цѣлый эскадронъ всадниковъ. Двѣнадцать нѣскольکو пузатыхъ колоннъ изъ мѣстнаго ноздреватаго мрамора поддерживали арки изъ кусковъ камня, безъ всякой внѣшней выкладки; надъ арками лежали черныя балки потолка. Мостовая была выложена голышами, поросшими мохомъ. Спокойствіе развалинъ царило въ этомъ гигантскомъ, пустынномъ подъѣздѣ. Изъ источенныхъ червями дверей старинныхъ залъ выбѣжала кошка и исчезла въ пустыхъ подвалахъ, гдѣ прежде хранились плоды жатвъ. Сбоку стоялъ колодезь, такой же древней постройки, какъ и дворець: отверстіе въ скалѣ, каменная загородка, разрушившаяся отъ времени, желѣзная башенка, выкованная молотомъ. По выступамъ красивой скалы живыми букетами росъ плющъ. Часто, мальчикомъ, Хаиме наклонялъ голову и смотрѣлъ внизъ, въ круглый, свѣтлый зрачекъ дремлющихъ водъ.

Улица была пуста. Въ концѣ ея, у глиняной ограды сада Фебреровъ виднѣлась городская стѣна, въ ней – ворота, съ деревянными поперечными брусьями въ аркѣ, напоминавшими зубы огромнаго рыбаго рта. Въ глубинѣ этого рта трепетали зеленые, свѣтлые, отражавшія золото волны залива.

Пройдя вѣскольکو шаговъ по голубымъ камнямъ улицы – тротуара не было, – Хаиме остановился и посмотрѣлъ на свой домъ. Отъ прошлаго оставалось лишь слабое воспоминаніе. Старинный дворець Фебреровъ занималъ цѣлый кварталъ, но съ каждымъ шагомъ вѣковъ и обѣднѣнія семьи, онъ сокращался въ своихъ размѣрахъ. Теперь часть его служила обиталищемъ монахинь; другія части были пріобрѣтены разными богачами, которые нарушили новѣйшими балконами первоначально выдержанное единство постройки: о немъ свидѣтельствовала ровная линія навѣсовъ и крышъ. Сами Фебреры, запершись въ части дома, выходившей въ садъ и къ морю, принуждены были, для увеличенія дохода, уступить нижніе этажи владѣльцамъ магазиновъ и мелкимъ промышленникамъ. У главнаго портала, за стеклянными рамами

дѣвушки гладили бѣлье; онѣ привѣтствовали дона Хаиме почтительными улыбками. Хаиме продолжалъ неподвижно созерцать старинный домъ. Какой красивый, несмотря на произведенныя ампутаціи и старость!..

Камень цоколя, растрескавшійся и вдавленный внутрь отъ прикосновенія людей и экипажей, былъ усѣянъ рѣшетчатыми окошками въ уровень съ землей. Нижняя часть дворца имѣла разрушенный, изорванный видъ, словно ноги, двигавшіяся цѣлыя столетія.

Отъ антресолей, этажа съ особымъ входомъ, отданнаго подъ москательную лавку, началось развѣтываться великолѣпнѣе параднаго фасада. Три окна на уровнѣ арки воротъ, раздѣленныя двойными колоннами, показывали свои рамы изъ чернаго, тонко обдѣланнаго мрамора. По колоннамъ, поддерживавшимъ карнизъ, вился каменный черсгополохъ. На карнизѣ красовались три большихъ медальона: средній изъ нихъ съ бюстомъ императора и надписью: *Domnus Catfolus Imperator 1541* – воспоминаніе о проѣздѣ его черезъ Майорку во время неудачной алжирской экспедиціи. На боковыхъ медальонахъ – гербы Фебреровъ, поддерживае- шые рыбами съ бородами человѣческими головами. Высокія окна перваго этажа по бокамъ и карнизамъ обвиты были гирляндами изъ якорей и дельфиновъ; – памятникъ славы семьи мореплавателей. На верху ихъ открывались громадныя раковины. Въ верхней части фасада тянулся сплошной рядъ окшекъ еѣ готическими украшѣніями, закрытыхъ и открытыхъ – чтобы вгустить свѣтъ и воздухъ въ чердаки, – а надъ ними монументальный навѣсъ, грандіозный, какіе только можно встрѣтить въ майорскихъ дворцахъ, простиравшій до середины улицы громаду рѣзного дерева, почернѣвшій отъ времени, поддерживаемаго крѣпкими сточными трубами.

По всему фасаду образуя четырехугольникъ, шли деревянные, источенныя червями полосы съ гвоздями и подхватами изъ окислившагося желѣза. Это были остатки большихъ иллюминацій; которыми домъ ознаменовывалъ нѣкоторые праздники въ дни своего блеска.

Хаиме казался довольнымъ своимъ осмотромъ. Еще сохранилъ красоту домъ его предковъ, хотя въ окнахъ не доставало стеколъ, хотя пыль и паутина наполнили его углубленія, хотя вѣка надѣлали дыръ въ его штукатуркѣ. Когда Хаиме женится и состояніе стараго Вальса перейдетъ къ нему, всѣ стануть удивляться великолѣпному возрожденію Фебреровъ. И еще нѣкоторыхъ шокировало его рѣшеніе, и онъ самъ чувствовалъ укоры совѣсти! Мужество! впередъ!

Онъ направился къ Борне, широкому проспекту, центру Пальмы, – въ старину потоку, дѣлившему городъ на два города и два враждебныхъ стана: Канъ Амунтъ и Канъ Аваль. Тамъ онъ найдетъ извозчика, который и доставитъ его въ Вальдемосу.

При входѣ на Борне его вниманіе привлекла группа прохожихъ, въ тѣни густыхъ деревьевъ смотрѣвшая на крестьянъ, остановившихся передъ витриной магазина. Фебреръ узналъ ихъ костюмы, отличавшіяся отъ обычныхъ, майорскихъ. То были ибисенцы... Ахъ, Ибиса! Имя этого острова вызывало воспоминанія о далекомъ годѣ, проведенномъ имъ тамъ въ юности. При видѣ этихъ людей, заставлявшихъ майоркинцевъ улыбаться, словно передъ лицомъ иностранцевъ, Хаиме, въ свою очередь, улыбнулся, съ интересомъ разглядывая ихъ одежду и фигуры.

Безъ сомнѣнія, это были отецъ съ дочерью и сыномъ. Крестьянинъ былъ обутъ, въ бѣлые пеньковыя башмаки, на которые широкимъ колоколомъ падали синіе плисовые штаны; куртка застегивалась на груди крючкомъ; изъ – подъ нея виднѣлись рубашка и поясъ. Темный женскій плащъ лежалъ на его плечахъ, какъ шаль. И, въ дополненіе къ этой полуженской принадлежности наряда, составлявшей контрастъ суровымъ, смуглымъ, какъ у мавра, чертамъ лица крестьянина, послѣдній носилъ подъ шляпой платокъ, завязанный у подбородка, съ концами, спускавшимися на плечи. Сынъ, лѣтъ четырнадцати, былъ одѣтъ такъ же, въ такихъ же штанамъ, узкихъ у бедръ и широкихъ, какъ колоколь, внизу, но безъ плаща и платка. На груди его висѣла розовая завязка, на подобіе галстука; пучекъ травы высовывался изъ-за одного уха; шляпа съ бантомъ, вышитымъ цвѣтами, надвинутая на затылокъ, позволяла волнѣ кудрей сво-

бодно падать на смуглое лицо, худое, лукавое, оживленное блескомъ африканскихъ темно – черныхъ глазъ.

Наибольшее вниманіе привлекала къ себѣ дѣвушка, въ своей зеленой юбкѣ со множествомъ складокъ, подъ которой, несомнѣнно, скрывались другія юбки – цѣлая гора разныхъ одѣяній; и маленькими – маленькими казались ея граціозныя ножки, запертыя въ бѣлые пенковые башмаки. Выпуклыя формы груди, прикрывала желтоватая, съ красными цвѣтами, легкая накидка. Отъ нея шли бархатные рукава иного цвѣта, чѣмъ кофта, съ двойнымъ рядомъ филигранныхъ пуговицъ – издѣліе ювелировъ чуетовъ. На грудь легла тройная золотая ослѣпительно игравшая цѣпочка, съ такими крупными кольцами, что, не будь они пустыми внутри, дѣвушка согнувшись бы подъ ихъ тяжестью. Черныя, блестящія волосы на лбу были зачесаны въ двѣ пряди, исчезали подъ бѣлымъ платкомъ, завязаннымъ у подбородка и выбивались сзади широкой, длинной косой, съ разноцвѣтными бантиками, доходившими до края юбки.

Съ корзиночкой въ рукахъ, дѣвушка стояла у края тротуара, внимательно разглядывая любопытныхъ, восхищаясь высокими домами и террасами кофейныхъ. Бѣлая, румяная, она не отличалась обычной грубостью крестьянокъ. Ея черты грворили объ изяществѣ, выхоленной аристократки – монахини, о блѣдной нѣжности молока и розы, оживляемой ослѣпительно бѣлизной зубовъ и робкимъ блескомъ глазъ изъ – подъ платка, похожаго на монастырскую току.

Хаиме, изъ инстинктивнаго любопытства, подошелъ къ отцу и сыну. Повернувшись спиною къ дѣвушкѣ, они погрузились въ созерцаніе витрины. Это была ружейная лавка. Оба ибисенца, со сверкающими глазами и жестами благоговѣйнаго восхищенія, разглядывали одинъ за другимъ выставленные предметы, словно чудесныхъ идоловъ. Мальчикъ въ экстазѣ наклонилъ впередъ свою маленькую мавританскую голову, какъ будто намѣреваясь просунуть ее за стекло.

– Fluxas... Отець, Fluxas! – восклицалъ онъ изумленно, какъ челоуѣкъ, встрѣтившій неожиданнаго друга, – указывая отцу на пистолеты Лефощѣ.

Оба восхищались невѣдомымъ оружіемъ, чудеснымъ произведеніемъ искусства: ружьями безъ видимыхъ замковъ, карабинами съ репетиціей, пистолетами съ обоймами, рассчитанными на много выстрѣловъ. Вотъ, что изобрѣтають люди! Вотъ чѣмъ пользуются богачи!.. Эти неподвижные предметы казались имъ живыми, надѣленными злой душой и безграничнымъ могуществомъ. Они должны убивать сами: ихъ хозяину нечего и трудиться прицѣливаться.

Фигура Фебрера, отраженная въ стеклѣ, заставила отца быстро повернуть голову.

– Донъ Чауме!.. Ай, донъ Чауме!

Онъ очумѣлъ отъ изумленія и радости: схвативъ за руки Фебрера, онъ едва не паль передъ нимъ на колѣни и, дрожа, говорилъ. Они намѣревались отправиться къ дону Хаиме и поджидали на Борне, пока онъ встанетъ. Ему извѣстно, что сеньоры ложатся поздно. Какое счастье видѣть его!.. Здѣсь атлос: пусть полюбуются на сеньора. Это донъ Хаиме: это баринъ. Десять лѣтъ онъ не видалъ его, но, все равно, признаетъ его среди тысячи людей.

Смущенный бурными изъявленіями любви крестьянина и почтительнымъ любопытствомъ дѣтей послѣдняго, выстроившихся передъ нимъ, Фебреръ не могъ припомнить. «Добрый челоуѣкъ» догадался объ этомъ по его растерянному взгляду. На самомъ дѣлѣ, не узналъ? Пепъ Араби, изъ Ибисы... Но это еще мало говорить: на островѣ только шесть – семь фамилій, и Араби называлась четвертая часть жителей. Нужно больше пояснить: Пепъ изъ Кана Майорки.

Фебреръ улыбнулся. Ахъ, Канъ Майорки! Бѣдное помѣстьѣ въ Ибисѣ, гдѣ онъ мальчикомъ прожилъ годъ: единственное наслѣдство матери. Двѣнадцать лѣтъ, какъ Канъ Майорки ему не принадлежало. Онъ продалъ его Пепу, отцы и дѣды котораго воздѣлывали участокъ. Тогда у него еще имѣлись деньги. Но къ чему ему земля на далекомъ островѣ, куда онъ никогда вновь не пріѣдетъ? И со щедростью благодушнаго гранда онъ уступилъ ее дешево Пепу, сдѣлавъ расчетъ на основаніи традиціонной арендной платы и назначивъ большія сроки для

взносовъ; эти взносы, когда настали потомъ дни нужды, неоднократно являлись для него источникомъ неожиданной радости. Уже давно Пепъ выплатилъ свой долгъ, эти крестьяне продолжали называть его бариномъ и, теперь при видѣ его, чувствовали себя какъ – бы передъ лицомъ высшаго существа.

Пепъ Араби представилъ свою семью. Atlot'a была старшей. Ее звали Маргалида: настоящая женщина, хотя всего ей стукнуло шестнадцать лѣтъ. Атлотъ, почти мужчина, насчитывалъ всего тринадцать. По примѣру отца и дѣдовъ, онъ хотѣлъ – бы обрабатывать землю, да отецъ предназначалъ его въ Ибисскую семинарію, благо грамота давалась ему. Землю станеть воздѣлывать хорошій, работающій паренъ, который женится на Маргалидѣ. Уже многіе на островѣ ухаживали за нею; какъ только они вернутся домой, онъ устроитъ festeigs, традиціонное сватовство, и она выберетъ себѣ мужа. Пепетъ призванъ къ болѣе высокой долѣ: онъ сдѣлается патеромъ и, отслуживъ мессу, поступитъ въ полкъ или поѣдетъ въ Америку, какъ нѣкоторые Ибисенцы: они добывали тамъ денегъ и посылали своимъ отцамъ для покупки земли на островѣ. Ай, донъ Хаиме! И какъ идетъ время!.. Онъ видѣлъ сеньора почти ребенкомъ, когда тотъ жилъ одно лѣто съ матерью въ Канъ Майорки. Пепъ научилъ его владѣть ружьемъ, охотиться на птичекъ. Помнить ваша милость? Онъ тогда собирался жениться; еще живы были его родители. Потомъ они свидѣлись однажды въ Пальмѣ, для продажи имѣнія (великая милость, которой никому нельзя забыть), и теперь, – вотъ онъ уже почти старикъ, съ дѣтьми, такими же высокорослыми.

Разсказывая о своемъ путешествіи, крестьянинъ улыбался невинно – лукавой улыбкой и показывалъ рядъ крѣпкихъ зубовъ. Настоящее безумство! долго будутъ говорить о немъ пріатели на Ибисѣ! Онъ всегда былъ подвижнымъ и смѣлымъ: воспоминаніе солдатскихъ временъ. Хозяинъ одного паруснаго судна, его большой пріатель, долженъ былъ везти грузъ въ Майорку и, какъ бы въ шутку пригласилъ его. Но шутокъ онъ не знаетъ: задумано – сейчасъ – же сдѣлано! Дѣтвора не бывала въ Майоркѣ: во всемъ приходѣ св. Хосе – его приходъ – не найдется и десятка людей, которые знали – бы столицу. Многіе были въ Америкѣ; одинъ былъ въ Австраліи; нѣкоторыя сосѣдки сказывали о своихъ поѣздкахъ въ Алжиръ на фелугахъ контрабандистовъ, но никто не ходилъ въ Майорку, и резонно: – Насъ не любятъ, донъ Хаиме: на насъ смотрятъ, какъ на рѣдкихъ звѣрей, насъ считаютъ дикими, словно мы всѣ не божіи дѣти... – И вотъ онъ здѣсь, со своими атлотами, съ утра возбуждалъ любопытныхъ горожанъ: точно они мавры! Десять часовъ плаванія по великолѣпному морю; у атлоты въ корзинкѣ ѣда для всѣхъ троихъ. Отправятся завтра на разсвѣтъ, но раньше ему хотѣлось бы поговорить съ бариномъ. Надо потолковать о дѣлѣ.

Хаиме сдѣлалъ жестъ удивленія. Къ словамъ Пепы онъ теперь относился болѣе внимательно. Послѣдній объяснялся съ нѣкоторой осторожностью, путаясь въ выраженіяхъ. Миндальныя деревья составляли лучшее богатство Кана Майорки. Прошлый годъ урожай былъ хорошій; пожаловаться нельзя. Проданы по хорошей цѣнѣ скупщикамъ, вывозящимъ ихъ въ Пальму и Барселону. Онъ засадилъ миндальными деревьями почти всѣ свои поля и теперь думалъ очистить отъ лѣса и камней нѣкоторыя земли сеньора и воздѣлывать на нихъ пшеницу – именно только для потребностей демьи.

Фебреръ не скрылъ своего изумленія. Что это за землю?.. Развѣ у него еще что-нибудь оставалось на Ибисѣ? Пепъ улыбнулся. Собственно, это не были земли: это была скала, мысъ скаль, вдававшійся въ море. Но можно воспользоваться уголкомъ земли – полосками земли ни склонѣ скаль. Внизу находилась башня Пирата: сеньоръ помнить?.. Укрѣпленіе временъ корсаровъ, куда часто донъ Хаиме мальчикомъ подымался, испуская воинственныя крики, съ артышевой палкой въ рукахъ, подавая сигналъ къ штурму воображаемому войску.

Сеньоръ, дповѣрившій было, что открылось забытое помѣстье, единственное принадлежавшее ему на самомъ дѣлѣ, печально улыбнулся. Ахъ, башня Пирата! Онъ припоминалъ. Известковая скала, врѣзавшаяся въ море, мѣстами поросшая дикими растеніями – пріютъ и

пища кроликовъ. Старое каменное укрѣпленіе представляло собой развалины, которыя медленно исчезали подъ натискомъ времени и морскихъ вѣтровъ. Плиты выпадали; зубцы высились съ разрушающимися верхушками. При продажи Канъ Майорки о башнѣ не упомянули въ контрактѣ: о ней забыли, въ виду ея бесполезности. Пепъ могъ какъ угодно, распорядиться ею: Хаиме никогда не вернется на это забытое мѣсто своего дѣтства.

Крестьянинъ хотѣлъ заговорить о вознагражденіи: донъ Хаиме остановилъ его жестомъ сіятельнаго сеньора. Затѣмъ посмотрѣлъ на дѣвушку. Очень красивая; имѣла видъ переодѣтой сеньориты: на островѣ атлоты должны сходить съ ума отъ нея. Отецъ улыбнулся, гордый, смущенный такими похвалами. Привѣтствуй атлота! Что нужно сказать? – говорилъ онъ, какъ дѣвочкѣ. А она, опустивъ глаза, зардѣвшись, взявшись одной рукой за кончикъ передника, пробормотала на ибисскомъ нарѣчій: – Нѣтъ, я – не красивая. Служанка Вашей милости...

Фебреръ прекратилъ разговоръ, велѣвъ Пепу и его дѣтямъ идти къ нему. Крестьянинъ давно зналъ мадо Антонію, и старуха будетъ рада его видѣть. Они закусятъ съ нею, чѣмъ найдется. Вечеромъ, по возвращеніи изъ Вальдемасы, они увидятся. Прощай Пепъ! Прощайте, атлоты.

И палкой далъ знакъ кучеру, сидѣвшему на козлахъ майоркской коляски – легчайшаго экипажа о четырехъ тонкихъ колесахъ, съ веселымъ навѣсомъ изъ бѣлой парусины.

II

За Пальмой, среди широких весенних полей, Фебрер начал раскаиваться в своем образе жизни. Целый год он не выезжал из города, вечера проводил в кофейнях Борне, а ночи – в игровой залл казино.

Ни разу ему не пришлось выбраться за Пальму, взглянуть на нжно зеленое поле, с его журчащими каналами; на нжно – лазурное небо, с плавающими в нем островками бльых клочков; на темно – зеленые холмы, с мельницами, машущими крыльями на их вершинах; на крутые, розовые горы, замыкающа горизонт; на весь пейзаж, смеющйся, шумный, поразившй древних мореплавателей, которые и назвали Майорку Счастливым островом!.. Когда, путем женитьбы, он получит состояние и сможет выкупить прекрасное имние Сонь Фебрер, он будет жить там часть года, как его предки, будет вести сельскую, благотворную жизнь высокога сеньора, щедрого, уважаемого.

Лошади бжали полную рысью. Экипаж катился, обгоня крестьян, возвращавшихся из города по краю дороги; стройных смуглых женщин, с широкими соломенными шляпами, украшенных спускающимися лентами и букетами лсных цвтов, поверх кось и бльых косынок; мужчин в полосатом тик (так называемой майоркской материи), в надвинутых назад поярковых шляпах – черных или сфрых ореолах вокруг бритых лиц.

Фебрер вспоминал подробности этой дороги, на которой он не бывал нсколько лть, – словно чужеземец, посфтившй остров в старину и теперь прфхавшй снова. Дальше путь развфвлялся: одна дорога шла на Вальдемосу, другая – на Сольер... Ах, Сольер!.. Забытое дфство вдруг воскресло в его памяти. Ежегодно, в таком же экипаж, семья Фебреров фдила в Сольер, гд владла старинным домом, с обширным подфздом, домом Луны: над воротами красовалось каменное полушарие с глазами и носом, изображавшее свфтило ночи.

Это было всегда в первых числах мая. Когда коляска профзжала ущелье, самую высокую точку горы, маленькй Фебрер испускал радостные крики, при видф развертывавшейся у его ног долины Сольера, сада Гесперид острова. Вершины гор, чернющя сосновыми лсами, усфянные блыми домиками, одфты были тюрбанами паров. Внизу, около города и по всей долине вплоть до моря (отсюда его не видно) тянулись апельсиновые сады. Весна сыпала на эту счастливую почву каскад красок и благоуханий. Дикя травы пробивались среди утесов, увфчаных цвтами; стволы деревьев были обвиты ползучими растениями; бдные хижины прятали свою гнетущую нищету под пологом вьющихся роз. Со всфх окрестных селений на сольерскй праздник стекались крестьянскя семьи: женщины в бльых косынках, тяжелых мантильях, с золотыми пуговицами на рукавах; мужчины в нарядных жилетах, полотняных плащах, поярковых шляпах с цвтными лентами. Свистла волынка, призывая на бал; из рук в руки переходили стаканы сладкой мфстной водки и баньяльбуфарского вина. То было ликование мира послф тысячи лть морских разбоев и войн с невфрными народами средиземного моря, радостное воспоминание о побфдф, одержанной сольерскими крестьянами над флотом турецких корсаров в XVI вфк.

В гавани моряки, переодфтые мусульманами и воинами – христианами, стрфляя из штуцеров, размахивая шпагами, представляли морскую битву на своих утлых лодках или же преслфдовали друг друга по береговым дорогам. В церкви торжественно праздновали память чудесной побфды, и Хаиме, сидя рядом с матерью на почетном мфстф, с волнением слушал проповедника, так, как читал интересный фельетон в библиотек своего дфдушки, во втором этажф пальмского дома.

Население, вмѣстѣ съ жителями Аларб и Буньолы вооружилось, узнавъ черезъ одно ибисское судно, что двадцать два турецкихъ гальота съ нѣсколькими галерами шли на Сольеръ, самое богатое мѣстечко острова. Тысяча семьсотъ турокъ и африканцевъ, гроза пиратскаго міра, высадились на берегъ, привлеченные богатствами, а еще больше желаніемъ захватить женскій монастырь, куда укрылись отъ свѣта молодая красавица благородной семьи. Они раздѣлились на двѣ колонны: одни двинулись противъ христіанскаго отряда, вышедшаго имъ на встрѣчу; другая обходнымъ путемъ проникла въ мѣстечко, брала въ плѣнъ дѣвушекъ и юношей, грабила церкви, убивала священниковъ. Христіане видѣли, что ихъ положеніе сомнительно. Впереди наступала тысяча турокъ; сзади городъ во власти грабителей, семьи, обреченныя на униженія и насилія, семьи, тщетно призывавшія ихъ. Но колебанія были не долги. Сольерскій сержантъ, бравый ветеранъ войскъ Карла V во времена войнъ въ Германіи и съ Великимъ Туркомъ убѣдилъ всѣхъ немедленно атаковать непріятели. Становятся на колѣни, призываютъ св. апостола Якова и уповая на чудо, нападаютъ со своими ружьями, аркебузами, копьями, топорами. Турки отступаютъ, обращаются въ бѣгство. Напрасно старается ихъ воодушевить ихъ страшный визирь Суффараисъ, главный морской предводитель, старый, очень жирный, знаменитый своей храбростью и смѣлостью. Во главѣ негровъ, составлявшихъ его гвардію, съ саблей въ рукѣ онъ бросается впередъ. Кругомъ него растетъ гора труповъ. Но одинъ сольерець пронзаетъ его грудь копьемъ. Онъ падаетъ, враги бѣгутъ, теряя свое знамя. Новый непріятель преграждаетъ имъ дорогу къ берегу, куда они устремляются въ надеждѣ спастись на корабляхъ. Шайка разбойниковъ наблюдала за сраженіемъ съ утесовъ. Видя бѣгство турокъ, она выходитъ имъ на встрѣчу, стрѣляя изъ мушкетовъ, размахивая кинжалами. Съ ними свора собакъ, дикихъ товарищей ихъ безчестной жизни. Эти животныя кидаются на бѣгущихъ, рвутъ ихъ, доказываютъ согласно лѣтописцамъ, «доброту майоркской породы». Отрядъ побѣдоносно возвращается назадъ, вступаетъ въ покинутый городъ, и грабители удираютъ къ морю или, зарѣзанные, падаютъ на улицахъ.

Проповѣдникъ съ экстазомъ повѣствовалъ объ этомъ доблестномъ дѣлѣ, приписывая большую долю успѣха Царицѣ Небесной и апостолу – воину. Затѣмъ прославлялъ капитана Анхелатса, героя сраженія, сольерскаго Сиды и храбрыхъ донъ Кана Тамани, двухъ женщинъ изъ сосѣдняго помѣстья, которыхъ схватили три турка, желая удовлетворить свою плотскую похоть послѣ долгаго воздержанія среди морскихъ пустынь. Храбрыя доны, смѣлыя и твердыя, какъ добрыя крестьянки, не подняли крика, не бѣжали при видѣ трехъ пиратовъ, враговъ Бога и святыхъ. Двернымъ засовомъ они убили одного и заперлись въ домѣ. Выбросивъ черезъ окно трупъ на нападающихъ, они разбили голову второму и камнями преслѣдовали третьяго, какъ мужественные потомки майоркскихъ пращниковъ. О, храбрыя доны, мужественныя женщины Кана Тамани. Добрый народъ чтитъ ихъ, какъ святыхъ героинь тысячелѣтней войны съ невѣрными и ласково смѣялся надъ подвигами этихъ Жаннъ д'Аркъ, съ гордостью думая о томъ, какъ опасно было мусульманамъ добывать свѣжее тѣло для гаремовъ.

Затѣмъ, слѣдуя традиціонному обычаю, проповѣдникъ заканчивалъ рѣчь перечнемъ семействъ, принимавшихъ участіе въ битвѣ. Внимательно выслушивала деревенская аудиторія сотню фамилій и каждый разъ, какъ произносилось имя одного изъ живущихъ потомковъ, кивками головъ выражала сочувствіе. Безконечный перечень многимъ казался короткимъ, и, когда проповѣдникъ умолкалъ, они заявляли протестъ. – Участвовало больше, а не помянули, – ворчали крестьяне, чьи фамиліи не были произнесены. Всѣмъ хотѣлось быть потомками воиновъ капитана Анхелатса.

Когда заканчивались праздненства и въ Сольерѣ водворились обычная тишина и спокойствіе, маленькій Хаиме проводилъ дни, гуляя среди апельсиновыхъ садовъ съ Антоніей, теперь старухой мадѣ Антоніей, а тогда цвѣтушей женщиной, съ бѣлыми зубами, выпуклой грудью, твердой поступью. – вдовой послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ замужества, преслѣдуемой пламенными взорами всѣхъ крестьянъ. Вмѣстѣ ходили они въ гавань, спокойное, пустынное

озеро: входа ея почти не видно изъ-за поворотовъ, которые морской заливъ дѣлалъ среди скалъ. Только изрѣдка на этомъ замкнутомъ пространствѣ голубой воды показывались мачты паруснаго судна, плившаго грузить апельсины для Марсея. Стаи старыхъ чаекъ, величиною съ куриць, совершая движенія контраданса, парили надъ гладкой поверхностью. При насупленіи вечера возвращались рыбацкія лодки, и подъ береговыми навѣсами на крючьяхъ висѣли огромныя рыбы, распластавъ хвосты по землѣ, истекая кровью, какъ быки, скаты и осьминоги, простирая, словно дрожащее стекло, свою бѣлую слизь.

Хаиме любилъ эту спокойную, таинственно – пустынную гавань религиозною любовью. Въ ней онъ припоминалъ чудесныя исторіи, какія по ночамъ, стараясь уснуть, рассказывала ему мать, – о великомъ чудѣ одного божьяго раба, посмѣявшагося въ этихъ водахъ надъ закаменѣлыми грѣшниками. Св. Раймундо изъ Пеньяфорте, добродѣтельный, строгій монахъ, негодовалъ на короля дона Хаиме Майоркскаго, вступившаго въ позорную связь съ одной дамой, доньей Беренгелой, глухого къ его святымъ совѣтамъ. Братъ хотѣлъ бѣжать съ пагубнаго острова, а король воспротивился, наложилъ запретъ на всѣ лодки и корабли. Тогда святой спустился въ уединенную Сольерскую гавань, разостлавъ свой плащъ на волнахъ, взошелъ на него и поплылъ къ берегамъ Каталоніи. Мадд Антонія также рассказывала объ этомъ чудѣ, но въ майорскихъ стихахъ, въ формѣ простого романа, который дышалъ искренней вѣрой въковъ, поклонявшихся чудесному. Святой, взойдя на плащъ, поставилъ посохъ вмѣсто мачты и повѣсилъ капюшонъ вмѣсто паруса: вѣтеръ Бога гналъ этотъ удивительный корабль. – Черезъ нѣсколько часовъ рабъ Господа приплылъ изъ Майорки въ Барселону. Монтжуйская стража со знаменемъ возвѣщала о появленіи чудеснаго судна; звонили колокола Сео и купцы сбѣгались на стѣну встрѣчать святого путешественника.

Любопытство маленькаго Фебрера разгоралось при повѣствованіи объ этихъ чудесахъ: онъ хотѣлъ знать больше, и его спутница призывала старыхъ рыбаковъ; они показывали ему скалу, гдѣ стоялъ святой и молился Богу о помощи передъ отплытіемъ. Одна гора въ глубинѣ суши, которую видно изъ гавани, имѣла форму монаха въ капюшонѣ. На берегу, въ неприступномъ мѣстѣ одна скала – ее видѣли только рыбаки – походила на колѣнопреклоненнаго, молящагося монаха. Такія чудеса сотворилъ Господь – утверждали простыя души – дабы увѣковѣчить знаменитое чудо.

Хаиме и теперь вспоминалъ дрожь, охватывавшую его отъ подобныхъ сообщеній. Ахъ, Сольеръ! Дни святой невинности, когда открылись глаза его на жизнь, среди рассказовъ о чудесахъ и отзвуковъ героической борьбы. Домъ Луны потерянь имъ навсегда, какъ и вѣра и невинность тѣхъ далекихъ – далекихъ дней. Оставались одни воспоминанія. Больше двадцати лѣтъ не возвращался онъ въ забытый Сольеръ, который сейчасъ воскресалъ въ его памяти со всѣми смѣющимися образами дѣтства.

Экипажъ поѣхалъ до развѣтвленія дороги и повернулъ на Вальдемосу. Всѣ воспоминанія, казались, остались позади, на краю шоссе и, по мѣрѣ удаленія, испарялись.

Никакихъ воспоминаній прошлаго дорога въ немъ не пробуждала. Всего два раза, уже взрослымъ, онъ ѣздилъ по ней съ пріятелями въ картезанскія кельи. Помнилъ онъ придорожныя оливковыя деревья, знаменитыя вѣковыя маслины странной, фантастической формы, служившія моделью для многихъ художниковъ, и высовывалъ голову изъ окошка, чтобъ посмотреть на нихъ. Дорога подымалась въ гору; начинались каменистыя, сухія поля, первые признаки горной мѣстности. Путь извивался среди деревьевъ: мимо окна экипажа уже пробѣжали первыя маслины.

Фебреръ ихъ зналъ, часто говорилъ о нихъ и, однако, получилъ впечатлѣніе чего-то необычнаго, какъ будто видѣлъ ихъ впервые. То были черныя деревья, съ громадными, вѣтвистыми, голыми стволами, казавшіяся шарообразными, при своей толщинѣ и скудости листы. Маслины насчитывали цѣлые вѣка своего существованія, ихъ никогда не обрѣзали; старость отнимала сокъ у ихъ вѣтвей и заставляла стволы медленно, мучительно округляться.

Поле имѣло видъ заброшенной скульптурной мастерской: тысячи безформенныхъ этюдовъ, тысячи разбросанныхъ чудовищъ на зеленомъ коврѣ, пестрѣющемъ маргаритками и лѣсными колокольчиками.

Маслина, похожая на громадную жабу, отвратительную, собирающуюся прыгнуть съ пучкомъ листьевъ во рту; другая – на безобразнаго удава въ кольцахъ, съ оливковымъ хохолкомъ на головѣ: виднѣлись голые стволы, между ними просвѣчивало голубое небо; чудовищныя змѣи, обвившіяся другъ съ другомъ, какъ спирали выходящей колонны; черные гиганты, съ опущенной головой; руки простерты по землѣ, пальцы – корни, ноги – подняты кверху и отъ нихъ идутъ палки съ листьями. Нѣкоторыя маслины, побѣжденные вѣками, лежали поддерживаемыя подпорками, словно старухи, старающіеся опереться на клюку.

Казалось, надъ полемъ пронеслась буря, все ниспровергла, все вывернула, а затѣмъ окаменѣла, чтобы своею тяжестью давить на разрушенное, чтобы оно не приняло первоначальныхъ формъ. Нѣкоторыя маслины, высокія, съ болѣе нѣжными контурами, какъ бы имѣли женскія лица и формы. Это были византійскія дѣвы, съ тѣрами легкихъ листьевъ, въ длинныхъ деревянныхъ одѣяніяхъ. Другія представляли изъ себя дикихъ идоловъ, съ выпученными глазами, съ всклокоченными, низко спущенными бородами; фетишей темныхъ, варварскихъ религій, фетишей, способныхъ задержать первобытныхъ людей въ ихъ странствованіяхъ, заставить упасть на колѣни въ трепетѣ передъ встрѣченнымъ божествомъ. Въ тишинѣ бурнаго, но застывшего разгрома, въ уединеніи полей, населенныхъ страшными вѣчными видѣніями, пѣли птицы; вплоть до самыхъ стволовъ, источенныхъ червями, совершали свой набѣгъ лѣсные цвѣты, и безконечными четками двигались взадъ и впередъ муравьи, подкапывались, какъ неутомимые рудокопы, подъ столѣтніе корни.

Густавъ Дорэ, говорили, набросалъ среди этой вѣковой рощи свои наиболѣе фантастическія вещи, и воспоминаніе о немъ воскресило въ памяти Хаиме образъ другихъ, болѣе знаменитыхъ художниковъ, также проѣзжавшихъ по этой дорогѣ, жившихъ и страдавшихъ въ Вальдемосѣ.

Два раза посѣтилъ онъ картезіанскій монастырь, съ единственной цѣлью взглянуть поближе на мѣста, которыя обезсмертила печальная, большая любовь двухъ прославленныхъ существъ. Дѣдъ часто рассказывалъ Хаиме о вальдемосской «французенкѣ» и ея товарищѣ «музыкантѣ».

Однажды обитатели Майорки и уроженцы полуострова, укрывшіеся на островѣ отъ ужасовъ гражданской войны, увидѣли, какъ на берегъ высадилась супружеская чета иностранцевъ, съ мальчикомъ и дѣвочкой. Это было въ 1838 г. Когда снесли багажъ на сушу, островитяне восхищались громадной роялью, эрардовой роялью: тогда онѣ были рѣдкостью. Рояль конфисковали въ таможенѣ, до выполненія нѣкоторыхъ административныхъ формальностей. Путешественникамъ пришлось помѣститься въ гостиницѣ. Потомъ они сняли имѣніе Сонъ Вентъ, около Пальмы. Мужчина выглядѣлъ больнымъ. Онъ былъ моложе ея, но измученъ страданіями, прозрачно блѣденъ, какъ жертва, обреченная на закланіе; свѣтлые глаза горѣли лихорадочнымъ огнемъ; узкую грудь душилъ жестокой, непрестанный кашель. Нѣжнѣйшіе бакенбарды оттѣняли щеки; львиные волосы, черные, своевольные, обрамляли лобъ и каскадомъ кудрей падали сзади. Она, мужественная, хлопотала по хозяйству, какъ добрая горожанка, проявляя больше усердія, чѣмъ умѣнья. Какъ дѣвочка играла со своими дѣтьми, и ея доброе, веселое лиію омрачалось только при звукѣ кашля «больного возлюбленнаго». Обстановка экзотизма, неправильнаго образа жизни, протеста противъ законовъ, царящихъ надъ людьми, окружала, видимо, эту скитающуюся семью. Женщина одѣвалась въ нѣсколько фантастическіе костюмы; въ волосахъ ея былъ воткнутъ серебряный кинжалъ, – романтическое украшеніе, скандализировавшее набожныхъ майоркскихъ дамъ. Кромѣ того она не ѣздила къ мессѣ въ городъ, не дѣлала визитовъ; выходила изъ дому только для игръ съ дѣтьми или когда выводила подъ руку

бѣднаго чахоточнаго. Дѣти казались такими же особенными, какъ ихъ мать: дѣвочка носила платье мальчика, чтобы удобнѣе было бѣгать по полямъ.

Скоро любопытство островитянъ сосредоточилось на именахъ вносящихъ смуту чужеземцевъ. Она была француженка, сочинительница книгъ, Аврора Дюзень, бывшая баронесса, разведшаяся съ мужемъ, приобретающая всемирную извѣстность своими романами, которые подписывала мужскимъ именемъ и фамиліей политическаго убійцы: Жоржъ Сандъ. Онъ былъ польскій музыкантъ, нѣжная натура, которая, казалось, оставляла частицу своего существованія въ каждомъ изъ своихъ твореній и чувствовала себя угасавшей въ двадцать девять лѣтъ. Его звали Фридрихъ Шопень. Дѣти принадлежали романисткѣ. Ей уже шелъ тридцать шестой годъ.

Майорское общество, застывшее въ традиціонныхъ предрасудкахъ, какъ моллюскъ въ своей оболочкѣ, инстинктивный врагъ нечестивыхъ парижскихъ новшествъ, возмущалось подобнымъ скандаломъ. Внѣ брака!.. И она писала романы, смущавшіе своей смѣлостью добрыхъ людей!.. Женское любопытство хотѣло съ ними познакомиться, но въ Майоркѣ получалъ книги одинъ только Орасіо Фебреръ, дѣдъ Хаиме, и маленькіе томики Индіаны и Лели, его собственность, ходили по рукамъ, непонятныя для читателей. Замужняя женщина писала книги и жила съ человѣкомъ, который не былъ ея супругомъ!.. Донья Эльвира, бабушка Хаиме, сеньора изъ Мексики, – на ея портретъ Хаиме такъ часто смотрѣлъ и представлялъ ее себѣ всегда одѣтою въ бѣлое, съ поднятыми кверху глазами, съ золотой арфой на колѣняхъ, – посѣтила отшельницу Сонъ Вента. Она могла подавлять своимъ превосходствомъ иностранки островитянокъ, не знавшихъ французскаго языка. Она слушала лирическіе гимны писательницы оригинальному африканскому пейзажу, съ его бѣлыми домиками, колючими кактусами, стройными пальмами и вѣковыми маслинами, составлявшими рѣзкій контрастъ гармоническому порядку французскихъ равнинъ. Потомъ донья Эльвира на пальмскихъ вечерахъ горячо защищала писательницу, бѣдную страждущую женщину: теперешняя жизнь ея сводилась больше къ горестямъ и заботамъ сестры милосердія, чѣмъ къ радостямъ любви. Дѣдъ принужденъ былъ вмѣшаться и запретилъ жене дѣлать туда визиты, для прекращенія возникшихъ толковъ.

Вокругъ скандализирующей четы образовалась пустота. Пока дѣти играли съ матерью на полѣ, какъ маленькіе дикари, больной кашлялъ, запершись въ спальнѣ, за окнами, или же высовывался за дверь, отыскивая солнечные лучи. Ночами, въ глухіе часы его посѣщала муза, больная, меланхоличная, и, сидя за роялю, онъ импровизировалъ, среди кашля и стоновъ, свои вещи, полныя горькой страстности.

Владѣлецъ Сона Вентъ, горожанинъ, приказалъ иностранцамъ очистить мѣсто, какъ будто они были цыгане. Піанистъ боленъ чахоткой, и онъ не хочетъ заражать своего имѣнія. Куда отправиться?.. Возвращеніе на родину затруднительно: стояла глубокая зима, и Шопень дрожалъ, какъ брошенная птица, при мысли о парижскихъ холодахъ. Негостепріимный островъ, все же, былъ дорогъ благодаря своему нѣжному климату. Вальдемосскій картезіанскій монастырь оказался единственнымъ убѣжищемъ, – зданіе безъ архитектурныхъ красотъ, привлекательное только своею средневѣковою стариной, запертое между горъ, по склонамъ которыхъ сбѣгаютъ сосновые рощи, предохраняющія, словно завѣсы, отъ солнечнаго зноя плантаціи миндальныхъ деревьевъ и пальмъ; и сквозь вѣтви ихъ глазу видны зеленая равнина и далекое море. То былъ почти разрушенный памятникъ прошлаго, мелодраматическій монастырь, мрачный и таинственный. Въ переходахъ его находили пріютъ бродяги и нищіе. Чтобы войти въ него, нужно было миновать монашеское кладбище; гроба выворочены корнями лѣсныхъ растений, кости вываливались на землю. Въ лунныя ночи по корридору блуждалъ бѣлый призракъ, душа проклятаго монаха: ожидая часа искупленія, она странствовала по мѣстамъ, гдѣ нагрѣшила.

Туда направлялись бѣглецы, въ непогодный зимній день, застигнутые проливнымъ дождемъ и ураганомъ, по тому самому пути, гдѣ ѣхалъ теперь Фебреръ, но по старой дорогѣ,

отъ которой сохранилось теперь одно имя. Экипажи каравана двигались, какъ разсказывала Жоржъ Сандъ «однимъ колесомъ на горѣ, другимъ въ руслѣ ручья». Закутавшись въ плащъ, музыкантъ дрожалъ и кашлялъ подъ пологомъ коляски, испытывая мучительные толчки. Въ опасныхъ мѣстахъ этого странствованія романистка шла пѣшкомъ, ведя дѣтей за руки.

Всю зиму прожили въ уединеніи картезіанскаго монастыря. Она, въ бабучахъ (восточныхъ туфляхъ), съ кинжаломъ въ заплетенныхъ на скорую руку волосахъ, усердно занималась стряпней, при содѣйствіи дѣвочки – туземки, которая безъ зазрѣнія совѣсти глотала куски, предназначенные для «больного возлюбленнаго». Вальдемосскіе мальчишки бросали камни въ маленькихъ французовъ, считая ихъ за мавровъ, враговъ Бога. Женщины обворовывали мать, продавая ей съѣстные припасы, и, вдобавокъ, прозвали ее «вѣдьмой». Всѣ отрещивались отъ этихъ цыганъ, дерзнувшихъ жить въ монастырской кельѣ, рядомъ съ мертвецомъ, въ постояльномъ сосѣдствѣ съ призракомъ монаха, блуждавшимъ по корридору.

Днемъ, когда больной отдыхалъ, она готовила мясо въ горшкѣ и помогала служанкѣ, своими тонкими, блѣдными руками артистки, чистить овощи; потомъ бѣжала съ дѣтьми на крутой берегъ Мирамаръ покрытый деревьями, гдѣ Раймундо Луліо основалъ школу восточныхъ наукъ. Лишь съ наступленіемъ ночи начиналась для нея настоящая жизнь.

Темный, громаднй коридоръ наполнялся таинственной музыкой, которая, казалось, доносилась очень издалека, сквозь толстыя стѣны. Это Шопень, склонившись надъ роялю, слагалъ свои Ноктюрны. Романистка, при свѣтѣ свѣчи, писала Спиридона, исторію монаха, кончающаго крушеніемъ всей его вѣры. Часто она прерывала работу, бѣжала къ музыканту и приготовляла лѣкарство, встревоженная его сильнымъ кашлемъ. Въ лунныя ночи ее томила жажда таинственнаго, сладость страха: она выходила въ коридоръ, во мракѣ котораго вырисовывались молочныя пятна оконъ. Никого... Потомъ садилась на монашескомъ кладбищѣ, тщетно ожидая, не появится ли призракъ, не оживитъ ли ея монотоннаго существованія чѣмъ-то романтическимъ.

Однажды ночью, въ карнавалъ, картезіанскій монастырь наводнили мавры. Пальмская молодежь, набѣгавшись по городу въ берберійскихъ костюмахъ, вспомнила о «француженкѣ» и, безъ сомнѣнія, устыдилась, что обыватели обрекли ее на затворничество. Они явились въ полночь, своими пѣснями и игрой на гитарѣ нарушили таинственную тишину монастыря, спугнули пернатыхъ, пріютившихся въ развалкахъ. Въ одной кельѣ танцовали испанскіе танцы; музыкантъ лихорадочными глазами слѣдилъ за ними, а романистка переходила отъ группы къ группѣ, испытывая простую радость горожанки, видящей, что она не забыта.

Это была единственная счастливая ночь въ Майоркѣ. Потомъ, съ наступленіемъ весны «больной возлюбленный» почувствовалъ себя лучше. Медленно двинулись обратно въ Парижъ. Перелетныя птицы, на зимовкѣ они не оставляли никакихъ слѣдовъ, кромѣ воспоминанія. Хаиме не могъ достовѣрно узнать, въ какой именно комнатѣ они помѣщались. Произведенныя въ монастырѣ реформы смели всякіе слѣды. Многія пальмскія семейства проводили теперь лѣто въ картезіанской обители и превратили кельи въ красивыя комнаты: каждое изъ нихъ желало, чтобы занимаемое имъ помѣщеніе оказалось кельей Жоржъ Сандъ, которую безчестили и презирали нѣкогда ихъ бабушки. Фебреръ посѣтилъ монастырь съ девяностилѣтнимъ старикомъ изъ числа тѣхъ, кто въ костюмѣ мавровъ дали серанаду француженкѣ. Старикъ ничего не помнилъ, не могъ указать комнаты.

Внукъ дона Орасіо чувствовалъ нѣкоторую запоздалую любовь къ необычайной женщинѣ. Онъ видѣлъ ее на портретахъ ея молодости; невыразительное лицо, глубокіе загадочныя глаза, волосы въ беспорядкѣ; единственное ихъ украшеніе – роза у виска. Бѣдная Жоржъ Сандъ! Любовь была для нея древнимъ сфинксомъ: каждый разъ, какъ она вопрошала ее, любовь безжалостно царапала ей сердце. Всѣ отреченія, все упрямство любви извѣдала эта женщина. Капризная женщина венеціанскихъ ночей, невѣрная подруга Мюссе, она сама была больна, приготовляя обѣдъ и питье для умирающаго Шопена въ вальдемосскомъ уединеніи...

Еслибъ онъ только узналъ такую женщину, таившую въ себѣ тысячи женщинъ, со всѣмъ безконечнымъ разнообразіемъ женской нѣжности и жестокости!.. Быть любимымъ высшей женщиной, неотразимо вліять на нее и въ тоже время чувствовать уваженіе къ ея умственному величію!..

Долго онъ, словно загипнотизированный этимъ желаніемъ, смотрѣлъ на пейзажъ и не видѣлъ его. Потомъ улыбнулся, какъ бы изъ состраданія къ своему ничтожеству. Вспомнилъ о цѣли своего путешествія, и ему стало больно. Онъ, мечтавшій о великой любви, безкорыстной, необычайной, намѣревался продать себя, предложивъ свою руку и имя женщинѣ, которую мелькомъ видѣлъ, намѣревался заключить союзъ, скандализирующій весь островъ. Достойный конецъ бесполезной, легкомысленной жизни.

Пустота его существованія теперь ясно раскрывалась передъ нимъ, безъ всякихъ прикрасъ, создаваемыхъ самомнѣніемъ, какъ никогда раньше. Близость самопожертвованія заставила его обратиться къ воспоминаніямъ, – какъ – будто въ нихъ онъ могъ найти оправдывающіе мотивы его поступка. Къ чему его странствованіе въ мірѣ?

Онъ еще разъ перебралъ образы дѣтства, воскрешенные имъ по дорогѣ къ Сольеру. Видѣлъ себя въ высококомъ домѣ Фебреровъ со своими родителями и дѣдомъ. Онъ былъ единственный сынъ. Мать его, блѣдная сеньора, меланхолически прекрасная, заболѣла послѣ родовъ. Донъ Орасіо жилъ во второмъ этажѣ, со старымъ слугой, словно гость, заходя къ семьѣ или уединяясь отъ нея по своему капризу. Среди смутныхъ дѣтскихъ воспоминаній Хаиме рельефно выдѣлялась фигура его дѣда. Онъ никогда не видалъ улыбки на его лицѣ, съ бѣлыми бакенбардами, составлявшими контрастъ чернымъ, властнымъ глазамъ. Домашнимъ запрещалось подыматься въ его покои. Онъ не показывался иначе, какъ въ выходномъ костюмѣ, изысканно изящномъ. Внукъ, которому одному позволялось посѣщать когда угодно его спальню, заставалъ его рано утромъ въ синемъ сюртукѣ, высококомъ кружевномъ воротникѣ, черномъ, завязанномъ нѣсколькими бантами галстукѣ, съ громаднымъ жемчугомъ. Даже чувствуя себя нездоровымъ, онъ сохранялъ свой корректный видъ, со старинной элегантностью. Если болѣзнь приковывала его къ постели, онъ отдавалъ слугѣ приказаніе не принимать никого, включая сына.

Хаиме цѣлыми часами просиживалъ у ногъ дѣда, слушая его рассказы, пугаясь массы книгъ, не помѣщавшихся въ шкапахъ и лежащихъ по стульямъ и столамъ. Дѣдъ былъ неизмѣненъ въ своемъ сюртукѣ съ красной шелковой подкладкой, который всегда выглядѣлъ одинаково, но мѣнялся черезъ шесть мѣсяцевъ. Времена года отражались только тѣмъ, что зимній бархатный жилетъ уступалъ мѣсто вышитому шелковому. Главную его гордость составляли бѣлое бѣлье и книги. Дюжинами ему привозили изъ-за границы сорочки; часто, необновленная, забытая, онѣ желтѣли въ глубинѣ шкаповъ. Парижскіе книжные магазины присылали громадные пакеты – только что вышедшія изданія и, въ виду его постоянныхъ заказовъ, къ адресу дѣлали приписку – приписку эту донъ Орасіо показывалъ съ шутиливо – снисходительнымъ видомъ – «книгопродавцу».

Говорилъ послѣдній изъ Фебреровъ съ добродушіемъ дѣдушки, стараясь сдѣлать понятными свои рассказы, хотя въ своихъ отношеніяхъ къ семьѣ онъ былъ скупъ на слова и мало себя сдерживалъ. Онъ рассказывалъ внуку о своихъ поѣздкахъ въ Парижъ и Лондонъ, то на парусномъ суднѣ до Марселя и затѣмъ въ почтовой каретѣ, то на колесномъ пароходѣ и по желѣзной дорогѣ, – великія изобрѣтенія, имѣвшія мѣсто въ дни его дѣтства. Говорилъ объ обществѣ Луи Филиппа; о великихъ дебютахъ романтизмъ, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ; о баррикадахъ, постройку которыхъ онъ наблюдалъ изъ своей комнаты, умалчивая, что при этомъ обнималъ за талію смотрящую съ нимъ изъ окна гризетку. Внукъ родился въ хорошее время: самое счастливое. Донъ Орасіо вспомнилъ о ссорахъ со своимъ страшнымъ отцомъ, заставившихъ его путешествовать по Европѣ, о томъ кабальеро, который встрѣчалъ короля

Фернандо и требовалъ возстановленія старыхъ обычаевъ, а дѣтей благословлялъ, говоря: «Да сдѣлаеть Господь изъ тебя хорошаго инквизитора!»

Потомъ показывалъ Хаиме большія гравюры съ изображеніемъ городовъ, гдѣ жилъ; онѣ казались мальчику сказочными мѣстами. Иногда онъ разглядывалъ портретъ «бабушки съ арфой», своей жены, интересной доньи Эльвиры, то самое полотно, которое находилось теперь въ пріемной залѣ, съ остальными сеньорами рода. Казалось, ничуть не волновался: сохранялъ важный видъ, который имѣлъ, когда шутилъ – шутить онъ любилъ – или уснащалъ свою рѣчь крѣпкими словами. Но говорилъ несколько дрожащимъ голосомъ.

– Твоя бабушка была великой сеньорой, ангельской души, артистка. Рядомъ съ нею я выглядѣлъ варваромъ... Изъ благородной семьи; но пріѣхала изъ Мексики обвиняться со мной. Отецъ ея былъ морякъ и остался тамъ съ инсургентами. Во всемъ нашемъ роду никто съ этою женщиной не сравнится.

Въ половинѣ двѣнадцатаго утра онъ оставлялъ внука, надѣвалъ цилиндръ, зимою черный шелковый, лѣтомъ кастановый, выходилъ гулять по пальмскимъ улицамъ, постоянно въ одномъ и томъ же направленіи, по однимъ и тѣмъ же тротуарамъ, и въ дождь и подъ палящими солнечными лучами, нечувствительный ни къ холоду, ни къ жару, всегда въ сюртукѣ, двигаясь съ правильностью заведеннаго автомата, появляющагося и исчезающаго въ точно опредѣленные часы.

Только одинъ разъ за тридцать лѣтъ онъ измѣнилъ свой маршрутъ по пустыннымъ, поблѣвшимъ отъ солнца улицамъ, гдѣ раздавались его шаги. Однажды онъ услышалъ женскій голосъ внутри дома.

– Атлота... двѣнадцать часовъ. Ставь ризь: проходить донъ Орасіо.

Онъ повернулся къ двери, съ величіемъ знатнаго сеньора.

– Я не часы для...

И бросилъ крѣпкое словцо, нисколько не тѣряя своего серьезнаго вида, какъ всегда, когда пускалъ въ ходъ энергичныя выраженія. Съ этого дня сталъ ходить по другому пути, чтобы не попадаться на глаза тѣмъ, кто вѣрилъ въ точность его движеній.

Иногда рассказывалъ внуку о быломъ величіи дома. Географическія открытія разорили Фебреровъ. Средиземное море перестало служить дорогой на востокъ. Португальцы и испанцы другого моря нашли новые пути, и майорскіе корабли начали гнить на покоѣ. Прекратились войны съ пиратами: святой мальтійскій орденъ сталъ простымъ почетнымъ отличіемъ. Братъ его отца, командоръ Валетты, когда Бонопартъ завоевалъ островъ, явился въ Пальму доживать свои дни на скудную пенсію. Уже вѣка какъ Фебреры, забывъ море, гдѣ не велось больше торговли, гдѣ воевали одни бѣдные судовладѣльцы и сыновья рыбаковъ, старались поддерживать свое имя роскошью и блескомъ, медленно разоряя себя. Дѣдъ еще видѣлъ времена истиннаго величія, когда быть *butifarra* означало, въ глазахъ майорскихъ обывателей, нѣчто среднее между Богомъ и кабальеро. Появленіе на свѣтъ Фебрера было событіемъ, о которомъ говорилъ весь городъ. Высокая роженица сорокъ дней не выходила изъ дворца, и все это время двери были открыты, подѣздъ полонъ каретъ, прислуга сгруппирована въ сѣняхъ, залы кишали гостями, столы заставлены сладостями, печеньемъ и напитками. Для пріема каждаго класса назначались особые дни въ недѣлю. Одни – исключительно для *butifarras*, сливокъ аристократіи, привилегированныхъ домовъ, избранныхъ семей, объединенныхъ узами постоянныхъ скрещиваній; другіе – для кабальеро, стариннаго дворянства, которое жило, не зная, почему подчинялось первымъ; затѣмъ принимали *mossons*, низшій классъ, состоявшій, однако, въ близкихъ отношеніяхъ со знатью, – интеллигентовъ эпохи, медиковъ, адвокатовъ и нотариусовъ, оказывавшихъ услуги благороднымъ семействамъ.

Донъ Орасіо вспоминалъ о блескѣ этихъ пріемовъ. Въ старину умѣли устраивать въ широкихъ размѣрахъ.

– Когда родился твой отец – говорил он внуку – был последний праздник в нашем доме. Восемьсот майоркских фунтов я заплатил одному кондитеру на Борне за конфеты, печенье и напитки.

Своего отца Хаиме помнил меньше, чем дѣда. В его памяти отец являлся симпатичной, приятной, но нѣсколько туманной фигурой. Думая о нем, Хаиме видел только нѣжную, свѣтловатую, как у него самого, бороду, лысую голову, нѣжную улыбку и лорнет, который блестял, когда отец его приславлял. Рассказывали, что юношей он влюблен был в свою двоюродную сестру Хуану, строгую сеньору, прозванную папессой, жившую, как монахиня, располагавшую громадными средствами, нѣкогда щедро жертвовавшую их претенденту дону Карлосу, а теперь духовным лицам, окружавшим ее.

Разрыв отца с нею, без сомнѣнія, был причиной того, что папесса Хуана держалась в сторонѣ от этой вѣтви рода и относилась к Хаиме с враждебной холодностью.

Отец, слѣдя семейной традиціи, служил офицером Армады. Участвовал в войнѣ на Тихом Океанѣ, был лейтенантом на фрегатѣ из числа бомбардированных Кальею и, как будто, только ждал случая показать свою храбрость – тотчас же вышел в отставку. Затѣм женился на пальмской сеньоритѣ, со скудным состояніем, отец которой был военным губернатором острова Ибисы. Папесса Хуана, разговаривая однажды с Хаиме, захотѣла его уязвить, холодным тоном, с высокомерным выраженіем лица заявив:

– Мать твоя была благородная, из семьи кабалъеро... но не *butifarra*, как мы.

Когда Хаиме подрос и начал давать себѣ отчет в окружающем, он видел отца лишь во время кратких прїѣздов послѣдняго на Майорку. Отец был прогрессист, и революція сдѣлала его депутатом. По своему провозглашеніи королем Амедей Савойскій, этот монарх – революціонер, проклинаемый и покинутый старинным дворянством, принужден был для своего двора вербовать новых исторических фамилий. *Butifarra*, по требованію партіи, и занял мѣсто высокаго придворнаго сановника. Его жена, несмотря на настоятельныя просьбы перебраться в Мадрид, не пожелала оставить остров. Отправиться в столицу? А сын?.. Дон Орасіо с каждым днем худѣл и слабѣл, но держался прямо в своем вѣчно новом сюртукѣ, продолжая совершать ежедневныя прогулки, согласовавъ свою жизнь с ходом думских часов. Старый либераль, великій поклонник Мартинеса де ла Росы, за его стихи и дипломатическое изящество его галстуков, морщился, читая газеты и письма сына. Къ чему приведет все это?..

В короткій періодъ республики отец вернулся на остров: его карьера была кончена. Папесса Хуана, несмотря на родство, дѣлала вид, будто не знает его. В эту эпоху она была очень занята. Ѣздила на полуостров: выбрасывала, как гласила молва, громадныя суммы на сторонников дона Карлоса, поддерживавших военныя операціи в Каталоніи и сѣверных провинціях. Пусть ей не говорят о бывшем морякѣ, Хаиме Фебрерѣ! Она была настоящая *butifarra*, защитница старины, и приносила жертвы, лишь бы Испаніей управляла кабалъеро. Ея двоюродный брат хуже, чем Руем'а: он – безъ рубашки». ² Как утверждали, къ ненависти за идею примѣшивалась горечь разочарованій прошлаго, котораго она не могла забыть.

По реставраціи бурбоновъ, прогрессист, паладинъ дона Амедея превратился в республиканца и заговорщика. Совершал частыя поѣздки; получал шифрованныя письма из Парижа; отправлялся в Минорку посѣщать эскадру стоявшую в Махонѣ; при помощи старых офицерскихъ связей велъ пропаганду и подготовлялъ возстаніе во флотѣ. Занялся революціонными дѣлами с пыломъ древнихъ предприимчивыхъ Фебреровъ, со свойственной ему спокойной отвагой; но неожиданно умеръ в Барселонѣ, вдали от своихъ.

Дѣдъ встрѣтилъ извѣстіе о его смерти невозмутимо – гордо; но больше не видел его в полдень на улицахъ Пальмы обывательницы ждавшія, когда онъ пройдетъ, – чтобы постазить

² «Descamisado» – прозвище ярыхъ сторонниковъ демократической партіи в эпоху 1820–1823 гг. При., пер.

рись въ печку. Восемьдесятъ шесть лѣтъ: досіаточно нагулялся. На что еще глядѣть!.. Затворился во второмъ этажѣ, куда допускалъ только внука. Когда являлись къ нему родственники, предпочиталъ спускаться въ залу, несмотря на свою старческую немощь, парадно одѣтый, въ новомъ сюртукѣ, съ двумя бѣлыми треугольниками надъ складками галстука, всегда только что выбритый, съ гладко причесанными бакенбардами, съ блестяще напомаженнымъ хохолкомъ волосъ впереди, Насталъ день, когда онъ не смогъ встать съ постели, и внукъ увидѣлъ его подъ простыней, но сохранившемъ свой неизмѣнный видъ, въ тонкой батистовой сорочкѣ, въ галстукѣ, который перемѣнялъ ему ежедневно слуга, въ цвѣтномъ шелковомъ жилетѣ. Когда докладывали о приходѣ невѣстки, донъ Орасіо дѣлалъ останавливающій жестъ.

– Хаимито, сюртукъ... Она – сеньора, и нужно встрѣтить ее прилично.

Та же самая операція повторялась при визитѣ доктора или рѣдкихъ гостей, которыхъ онъ удостоивалъ пріема. Необходимо было держаться до послѣдняго момента «во всеоружіи», какъ видѣли его всю жизнь.

Однажды вечеромъ слабымъ голосомъ позвалъ внука: тотъ у окна читалъ книгу о путешествіяхъ. Можетъ уйти: тргбовалось остаться одному. Хаиме вышелъ, и дѣдъ могъ умереть достойно, въ пустой комнатѣ, безъ пытки слѣдить за своей внѣшностью, – могъ безъ свидѣтелей отдаться мукамъ агоніи, отражать на своемъ лицѣ эти муки.

Оставшись одинъ съ матерью, мальчикъ почувствовалъ жажду свободы. Его голова занята была приключеніями и путешествіями, вычитанными въ библіотекѣ дѣдушки, и подвигами предковъ, увѣковѣченными въ семейныхъ сказаніяхъ Хотѣлъ сдѣлаться морякомъ – воиномъ, какъ отецъ, какъ большинство предковъ. Мать воспротивилась, со страстной горячностью; щеки ея становились блѣдными, губы синѣли. Единственный Фебреръ, будетъ вести опасное существованіе, вдали отъ нея... Нѣтъ, достаточно было героевъ въ роду. Долженъ быть сеньоромъ на островѣ, кабальеро спокойной жизни, создастъ семью, продолжитъ фамилію, которую носилъ.

Хаиме уступилъ просьбамъ вѣчно больной матери: малѣйшее противорѣчіе подвергало, казалось, ее опасности смерти. Разъ она не хочетъ, чтобы онъ сдѣлался морякомъ, онъ избежеть другое поприще. Долженъ жить какъ другіе юноши его возраста, когорыхъ встрѣчалъ въ стѣнахъ института. Шестнадцать лѣтъ онъ отправился на полуостровъ. Мать желала видѣть его адвокатомъ, чтобъ онъ распуталъ дѣла состоянія, разстроеннаго, отягченнаго ипотеками и займами. Былъ снабженъ громаднымъ багажемъ: цѣлой домашней обстановкой; кошелекъ былъ туго набитъ. Фебреръ не могъ вести образъ жизни бѣднаго студента. Сначала былъ въ Валенсіи: мать считала этотъ городъ менѣе опаснымъ для юношества; второй курсъ прослушалъ въ Барселонѣ, и такъ странствовалъ изъ одного университета въ другой, въ зависимости оті. характера профессоровъ и симпатій къ воспитанникамъ. Успѣхи оказалъ не большіе. Сошло нѣсколько курсовъ, по счастливой случайности въ моментъ экзамена и благодаря умѣнью спокойно и смѣло говорить, чего не зналъ. На другихъ курсахъ срѣзывался и не могъ двигаться дальше. Мать находила удовлетворительными всѣ объясненія при его пріѣздахъ въ Майорку. Даже сама утѣшала его, совѣтуя не заниматься особенно усиленно, и сбрушивалась на несправедливость настоящихъ временъ. Ея неумолимый врагъ, папесса Хуана отлично это знала. Это времена не кабальеро. Имъ объявили войну; съ ними творили всякія несправедливости, дабы затирять ихъ.

Хаиме пользовался популярностью въ барселонскихъ и валенсіанскихъ кружкахъ и кофейняхъ, гдѣ игралъ. Его звали «майоркинецъ съ унціями»: мать присылала ему деньги золотыми унціями, вызывающе сверкавшими на зеленыхъ столахъ. Престижъ великолѣпія сочетался со страннымъ титуломъ *butifarra*: титулъ этотъ вызывалъ на полуостровѣ смѣхъ и, въ то же время, у многихъ представленіе объ особой феодальной власти, правахъ верховнаго сеньора отдаленныхъ острововъ.

Прошло пять лѣтъ. Хаиме былъ уже мужчиной, но до сихъ поръ и наполовину не закончилъ курса ученя. Его сотоварищи – островитяне, возвращаясь на лѣто, развлекали пріятелей въ кофейняхъ на Борне разказами о барселонскихъ похиженіяхъ Фебрера. Видѣли его на улицахъ подъ руку съ шикарными дамами; дикіе завсегдатаи домовъ, гдѣ играютъ въ азартныя игры, питали великое уваженіе къ «майоркинцу съ унціями» за его силу и мужество. Рассказывали что однажды ночью онъ схватилъ извѣстнаго драчуна и поднялъ его на своихъ атлетскихъ рукахъ, какъ перышко, чтобы выбросить за окно. И мирные майоркинцы, при такихъ повѣствованіяхъ, улыбаются съ патріотическою гордостью. Фебрерь! истинный Фебрерь! Островъ, какъ всегда, производитъ на свѣтъ Божій бравыхъ молодцовъ.

Добрая донья Пурификасіонъ, мать Хаиме была очень недовольна и, въ то же время, радовалась материнскою радостью, узнавъ, что одна возмутительная женщина пріѣхала на островъ вслѣдъ за ея сыномъ. Понимала и оправдывала ее. Хаиме такой славный юноша!.. Но дѣвица своими костюмами и фигурой смущала благонаправныхъ горожанъ; хорошія семьи негодовали, и донья Пурификасіонъ, черезъ посредниковъ, вступила въ переговоры съ нею, предложила ей взять денегъ и оставить островъ. Въ слѣдующія вакаціи произошелъ болѣе серьезный скандалъ. Охотясь въ Сонъ Фебрерь, онъ завязалъ интригу съ молодой, красивой крестьянкой и едва не дошелъ до перестрѣлки съ деревенскимъ парнемъ, ухаживавшимъ за нею, Сельскіе романы помогали ему коротать скучное лѣтнее одиночество. Настоящій Фебрерь, какъ и его дѣдушка! Бѣдная сеньора знала, какъ слѣдуетъ относиться къ свекору, всегда серьезному и парадному, ласкавшему за подбородокъ молодыхъ крестьянокъ съ холоднымъ величіемъ дворянина. Въ окрестностяхъ помѣсія Сонъ Фебрерь не мало ребятъ походило на дону Орасіо, но его супруга – мексиканка, поэтическая натура, была выше всякихъ подобныхъ пустяковъ и съ арфой на колѣняхъ, полузакрывъ глаза, декламировала поэмы Оссіана. Деревенскія чары блестящей косынки, спущенной косы, бѣлыхъ пеньковыхъ башмаковъ привлекли нарядныхъ, важныхъ Фебреровъ съ неотразимой силой.

Когда донья Пурификасіонъ сѣтовала на продолжительныя охотничьи экскурсіи по острову, совершаемыя сыномъ, послѣдній оставался въ городѣ и проводилъ день въ саду, занимаясь стрѣльбой изъ пистолета. Показывалъ встревоженной матери мѣшокъ, спрятанный въ тѣни апельсиннаго дерева.

– Видите это?.. центнеръ пороху. Пока не изведу, не успокоюсь.

Боялась появляться у окна кухни мадò Антонія. На минуту показывали свои бѣлыя токи монахини, занимавшія часть стариннаго дворца, и тотчасъ прятались, какъ голуби, которыхъ спугнула непрерывная сгрѣльба.

Окруженный зубчатыми оградами, примыкающими къ береговой стѣнѣ, съ утра до ночи оглашался садъ трескомъ. Встревоженно взвивались птицы и исчезали, метались по щелястымъ стѣнамъ зеленыя ящерицы, скрывавшіяся между побѣговъ плюща, въ смятеніи, галопомъ пробѣгали по аллеямъ кошки. Деревья, старыя – престарыя, выглядѣли столь же внушительно, какъ и дворецъ; столѣтнія апельсинныя деревья, съ искривленными стволами, нуждавшіяся въ подпоркахъ для своихъ почтенныхъ членовъ; гигантскія магноліи, съ очень скудной листвою; безплодныя пальмы, устремлявшіяся въ голубую высоту надъ зубцами ограды – видѣть море и привѣтствовать его кивками своихъ хохлатыхъ вершинъ.

Отъ солнца трещала древесная кора и лопались забытыя на землѣ сѣмена. Словно золотыя искры, роились жужжащія насѣкомыя въ полосахъ свѣта, прорѣзывавшихъ листву; по временамъ, какъ будто всплескивая, падали спѣлыя фиги, разставаясь съ вѣтвями; издали слышалась колыбельная пѣсня моря, ударившаго въ скалы у подножія стѣны. И среди этой тишины, населенной тихими звуками, Фебрерь продолжалъ стрѣлять изъ пистолета. Онъ былъ уже маэстро. Цѣлясь въ чучело, нарисованное на стѣнѣ, онъ жалелъ, что передъ нимъ не человекъ, ненавистный врагъ, котораго необходимо уничтожить. Эта пуля предназначена для сердца. Пули! Радостно улыбался, убѣдившись, что пробита дыра какъ разъ въ томъ мѣстѣ,

куда цѣлился. Шумъ выстрѣловъ, дымъ пороха порождали въ его воображеніи воинственныя фантазіи исторіи борьбы и смерти, и въ нихъ онъ всегда выходилъ героемъ-побѣдителемъ. Двадцать лѣтъ, а онъ еще ни разу не дрался. . . Непремѣнно требовалось поспорить, чтобы доказать храбрость. Къ несчастію, у него не имѣлось враговъ; но онъ постарается создать себѣ врага, когда вернется на полуостровъ. И повинувся безумному полету своего воображенія, возбужденнаго трескомъ выстрѣловъ, онъ рисовалъ себѣ поединокъ чести. Противникъ стрѣляетъ первымъ, онъ падаетъ на землю. Но пистолетъ еще у него въ рукахъ: простертый на землѣ, онъ долженъ защищаться, бороться. И къ великому ужасу матеріи и мадѣ Антоніи, которыя, выглянувъ изъ окна, принимали его за сумасшедшаго, онъ лежалъ лицомъ къ землѣ и продолжалъ стрѣлять въ такомъ положеніи, упражняясь «на случай, если его ранять».

Вернувшись на полуостровъ съ намѣреніемъ продолжать безконечныя занятія, онъ чувствовалъ себя окрѣпшимъ благодаря деревенской жизни; упражненія въ саду сдѣлали его смѣлымъ; онъ жаждалъ сразиться съ первымъ, кто дастъ малѣйшій предлогъ. Но былъ онъ человекъ вѣжливый, неспособный къ несправедливому задору; видъ его внушалъ заботамъ уваженіе – время шло, подраться не удавалось. Бьющая ключемъ юность, избытокъ рвущихся наружу силъ расходовались на темныя похождения и безумное мотовство: съ восхищеніемъ повѣствовались потомъ о нихъ его университетскіе товарищи.

Въ Барселонѣ онъ получилъ телеграмму извѣщавшую, что мать его тяжело заболѣла. Потерялъ два дня: не находилось судна, готоваго сняться съ якоря. Когда прибылъ на островъ, его мать уже умерла. Изъ родныхъ, которыхъ онъ видѣлъ въ дѣтствѣ, не оставалось никого. Одна мадѣ Антонія могла напоминать ему о прошломъ.

Въ моментъ, когда Хаиме оказался хозяиномъ состоянія Фебреровъ и получилъ возможность пользоваться неограниченной свободой, шелъ ему тридцать четвертый годъ. Стремленія предковъ блистать истощили это состояніе; всякаго рода обязательства лежали на немъ. Домъ Фебреровъ былъ великъ, какъ суда, которыя, будучи выброшены на мель и безповоротно погибая, обогащаютъ берегъ, гдѣ имъ суждена гибель. Остатки, на которые съ презрѣніемъ взглянули бы предки, все же представляли собой цѣлое богатство. Хаиме не хотѣлъ думать, не хотѣлъ знать. Нужно жить, видѣть свѣтъ, – и онъ оставилъ науку. Чтобы пожить на славу, требуются развѣ римскіе законы и обычаи или каноническія правила? Онъ уже достаточно зналъ. На самомъ дѣлѣ, наиболѣе пригодныя и пріятныя познанія онъ получилъ отъ матери, еще мальчикомъ, дома, еще не выдавъ никакихъ учителей. Она научила его немного французскому языку, немного игрѣ на фортепьяно, пользуясь стариннымъ инструментомъ съ пожелтѣвшими клавишами и высокимъ, почти до самаго потолка, пюпитромъ обтянутымъ краснымъ шелкомъ. Другіе знали меньше его, а были такими кабальеро и куда счастливѣе его. Жить!

Два года побывъ въ Мадридѣ, онъ имѣлъ любовницъ, составившихъ ему извѣстную популярность, имѣлъ знаменитыхъ лошадей, шумѣлъ на фornosскихъ антресоляхъ, былъ интимнымъ другомъ одного знаменитаго тореадора, – напропалую игралъ въ клубахъ улицы Алькала. Сразился на дуэли, но не такъ, какъ рисовалъ въ своемъ воображеніи – лежа, съ пистолетомъ въ правой рукѣ – а на шпагахъ. Вышелъ изъ поединка съ колотой раной въ руку – настоящей булавоочной уколъ на кожѣ слона. Пересталъ быть «майоркинцемъ съ унціями». Запасъ золотыхъ свитковъ, сохраняемыхъ матерью, истощился; теперь Хаиме щедрою рукою бросалъ на игорные столы билеты и, при «двойномъ козырѣ» писалъ своему управляющему – адвокату, представителю старой семьи *mossons*, зависѣвшей отъ Фебреровъ уже нѣсколько вѣковъ.

Хаиме скучалъ въ Мадридѣ, гдѣ чувствовалъ себя почти иностранцемъ. Въ немъ жила душа древнихъ Фебреровъ, великихъ скитальцевъ по всѣмъ странамъ кромѣ Испаніи: постоянно они поворачивались спиною къ своимъ королямъ. Многіе изъ предковъ освоились со всѣми главными городами Средиземнаго моря, посѣщали князей мелкихъ итальянскихъ государствъ, получали аудіенціи у папы и великаго турка, но никогда не приходилось имъ отпра-

ляться въ Мадридъ. Помимо того, Фебреръ часто сердился на своихъ столичныхъ родственниковъ, юношей, гордыхъ своими благородными титулами, смѣявшихся надъ его страннымъ званіемъ butifarra. И, замѣтите себѣ, семья представила родственникамъ, живущимъ на полуостровѣ, различныя маркизскія прерогативы, предпочла высшій титулъ островной знати и высокія отличія мальтійскихъ рыцарей!..

Онъ началъ путешествовать по Европѣ, осенью и въ началѣ зимы дѣлая своимъ постояннымъ мѣстопробываніемъ Парижъ, въ холодные мѣсяца, Голубой берегъ, весною Лондонъ и лѣтомъ Остенде, временами наѣзжая въ Италію, Египеть и Норвегію смотрѣть полуночное солнце. При своемъ новомъ образѣ жизни онъ почти ступежался. Жилъ скорѣе какъ простой путешественникъ, какъ незначительный шарикъ великой артеріальной сѣти, которую страсть къ путешествіямъ раскинула поконтиненту. Но эта непрерывно – подвижная жизнь, съ гнетущимъ однообразіемъ и неожиданными приключеніями, удовлетворяли его атавистическимъ инстинктамъ, наклонностямъ, унаслѣдованнымъ отъ отдаленныхъ предковъ, великихъ гостей новыхъ странъ. Затѣмъ, странствованія утоляли его страсть ко всему необычайному. Въ отеляхъ Ниццы, фаланстеріяхъ мірового разврата, самаго лицемѣрнаго и прикрытаго, въ темнотѣ комнаты его чувственность щекотали неожиданныя посѣщенія. Въ Египтѣ ему пришлось бѣжать отъ декадентскихъ ласкъ венгерской графини, блѣднаго цвѣтка изящества, съ глубокими глазами, сильно надушенной; за нѣжнымъ, молодымъ, блестящимъ обликомъ ея скрывалось гнилое тѣло.

Въ Мюнхенѣ ему исполнилось двадцать восемь лѣтъ. Передъ тѣмъ онъ ѣздилъ въ Байрейтъ на представленія вагнеровскихъ оперъ, а теперь, въ столицѣ Баваріи посѣщаль городской театръ, гдѣ шли моцартовскія празднества. Хаиме не былъ меломаномъ, но странническая жизнь вынуждала его направляться туда, куда направлялась толпа, и роль піаниста – любителя два года къ ряду обрекала его на музыкальное паломничество.

Въ мюнхенскомъ отелѣ онъ встрѣтился съ миссъ Мэри Гордонъ, которую раньше видѣлъ въ вагиеровскомъ театрѣ. Это была высокая, стройная, тонкая англичанка, съ крѣпкимъ тѣломъ гимнастки: sports не дали развиться женскимъ полнымъ круглымъ формамъ, придали ей цвѣтушій, здоровый, безполый видъ, – видъ красиваго юноши. Наибольшей красотой отличалась голова – голова пажа, прозрачная, какъ форфоръ: розовыя ноздри игривой собаки, влажные голубые глаза и свѣтлыя волосы, бѣловато – золотые сверху, темно – золотые снизу. Красота ея вызывала поклоненіе, хрупкая, британская красота; въ тридцать лѣтъ ее хоронятъ фіолетово – мѣдный налетъ и желтыя пятнышки на кожѣ.

Иногда она изумляла Хаиме въ ресторанѣ взглядомъ голубыхъ глазъ, ясныхъ, спокойно – смѣлыхъ, устремленныхъ на него. Ходила съ толстой, рыхлой, нарумяненной дамой, компаньонкой въ черномъ костюмѣ, сапотіер соломенномъ красномъ, такого же цвѣта поясѣ, раздѣлявшемъ на два большихъ полушарія ея грудь и животъ. Она, молодая, легкая, казалась цвѣткомъ изъ золота и жемчуга въ своемъ бѣломъ фланелевомъ платьѣ, мужского покроя, въ мужскомъ галстукѣ, въ панамѣ съ вогнутыми полями, со спущенной голубой вуалью.

Фебреръ встрѣчался съ ними на каждомъ шагѣ: въ картинной галлерее, передъ Евангелистами Дюрера; въ скульптурной гаплереѣ, осматривая эгинскіе мраморы въ городскомъ театрѣ рококо, гдѣ пѣли въ честь Моцарта, старинной залѣ, съ украшеніями изъ форфора и гирляндъ, внушавшими зрителямъ мысль о пурпурныхъ каблукахъ и бѣлыхъ парикахъ. Привыкши встрѣчаться, Хаиме привѣтствовалъ ее улыбкой, а она, казалось, робко отвѣчала сверкающимъ взглядомъ своихъ глазъ.

Однажды утромъ, выйдя изъ комнаты, онъ встрѣтился съ англичанкой на площадкѣ лѣстницы. Она наклонила свой мужской бюстъ надъ перилами.

– Лифтъ! Лифтъ! – кричала она своимъ птичьимъ голосомъ, вызывая служителя подъемной машины.

Войдя вмѣстѣ съ нею въ клѣтку, Фебреръ поклонился и сказалъ нѣсколько словъ, чтобы завязать разговоръ, Англичанка молчала, пристально глядя на него ясно – голубыми зрачками, въ которыхъ, казалось, искрилась золотая звѣзда. Она сидѣла неподвижно, какъ будто не поняла. Но Хаиме видалъ ее въ читальной залѣ перелистывающей парижскія газеты.

Выйдя изъ подъемной машины, англичанка быстрымъ шагомъ направилась въ контору, гдѣ съ перомъ въ рукѣ находился кассиръ гостинницы, Послѣдній выслушалъ ее съ услужливымъ видомъ, какъ полиглотъ, понимающій всѣхъ квартирантовъ, вышелъ изъ-за своей загородки и спустился къ Хаиме. Фебреръ притворился, будто читаетъ объявленія въ вестибюль, все еще смущенный своимъ фіаско. Онъ не повѣрилъ своимъ ушамъ, когда услышалъ: – Господинъ, эта барышня проситъ васъ представить.

И, обернувшись къ англичанкѣ, служащей прибавилъ съ нѣмецкимъ спокойствіемъ, какъ человекъ, выполняющій свой профессиональный долгъ:

– Monsieur гидальго Фебреръ, испанскій маркизь!

Онъ зналъ свою обязанность. Каждый испанецъ, путешествующій съ хорошими чемоданами, есть гидальго и маркизь, разъ не заявляетъ о себѣ иначе.

Затѣмъ указалъ глазами на англичанку. Та стояла строгая и важная во время церемоніи, безъ которой ни одна дѣвушка не можетъ перебраться словомъ съ мужчиной. – Миссъ Гордонъ, докторъ мельбурнского университета.

Миссъ протянула свою маленькую ручку въ бѣлой перчаткѣ и съ грубостью гимнаста пожалала правую руку Фебрера. Только тогда рѣшилась говорить.

– О, Испанія!.. О, донъ Кихоть!

Не помня какъ, они вышли вмѣстѣ изъ отеля, бесѣдуя о представленіяхъ, которыя посѣщали по вечерамъ. Сегодня театра не было, и она, думала отправиться на поле Theresienwiese у статуи Баваріи, посмотрѣть тирольскій праздникъ, послушать тирольскія пѣсни. Позавтракавъ въ отелѣ, они явились на поле; поднялись на вершину огромной статуи, обозрѣвали баварскую равнину, ея озера и далекія горы; пробѣжали Галлерею славы, заставленную бюстами знаменитыхъ баварцевъ, имена которыхъ, по большой части, читали впервые, и закончили хожденіемъ изъ балагановъ въ балаганъ, восхищаясь костюмами тирольцевъ, ихъ гимнастическими танцами, ихъ руладами и трелями въ родѣ соловьиныхъ.

Ходили вдвоемъ, какъ будто знакомы были цѣлую жизнь. Хаиме удивлялся, въ ея жестахъ и движеніяхъ, смѣлости и свободѣ англосаксонскихъ дѣвушекъ, не боящихся общенія съ мужчиной, чувствующихъ твердую почву подъ ногами, при собственномъ надзорѣ за собой. Съ этого дня они вмѣстѣ отправлялись осматривать музеи, академіи, старинныя церкви, иногда одни, иногда съ компаньонкой – миссъ, старавшейся слѣдовать за ними. Какъ товарищи они обмѣнивались впечатлѣніями, игнорируя разность половъ. Хаиме испытывалъ желаніе воспользоваться этой интимностью, говорилъ любезности, позволялъ себѣ маленькія вольности, но въ надлежащій моментъ сдерживался. Съ этими женщинами опасно дѣйствовать: онѣ остаются безстрасными, при всякихъ впечатлѣніяхъ; необходимо ждать, пока она сама не сдѣлаетъ перваго шага. Эти женщины могутъ однѣ странствовать по міру, сознавая, что способны порывы страсти остановить ударами бокса. Во время своихъ путешествій онъ встрѣчалъ такихъ, которыя въ муфтахъ или въ ридикюляхъ, вмѣстѣ съ коробочками пудры и платкомъ, носили съ собою крошечный никелированный револьверъ.

Миссъ Мэри рассказывала ему объ отдаленномъ океанійскомъ архипелагѣ, гдѣ отецъ ея былъ чѣмъ-то вродѣ вице – короля. Матери у ней не было. Она пріѣхала въ Европу пополнить образованіе, полученное ею въ Австраліи. Была докторомъ мельбурнского университета, докторомъ музыки... Хаиме, съ удивленіемъ слушая ея рассказы о далекомъ мірѣ, но стараясь не выдавать своего удивленія, говорилъ о себѣ, о своей семьѣ, о своей странѣ, о достопримѣчательностяхъ острова, пещерѣ Артã, трагически грандіозной, хаотической, какъ предверіе ада, драконовыхъ гротахъ, съ ихъ свѣтлыми сталактитовыми рошами, словно ледяной дворецъ, съ

ихъ тысячелѣтними, дремлющими озерами, изъ кристальной глубины которыхъ, казалось, вотъ – вотъ, подымутся волшебныя нагія фигуры, подобныя дочерямъ Рейна, охранявшимъ сокровище Нибелунговъ. Миссъ Гордонъ восторженно внимала ему. Хаиме какъ бы выросъ въ ея глазахъ – сынъ сказочнаго острова, гдѣ море сине, солнце сіяетъ всегда, цвѣтутъ апельсинныя деревья. Мало – по – малу Фебреръ сталъ проводить вечера въ комнатѣ англичанки. Представленія празднествъ Моцарта закончились. Миссъ Гордонъ ежедневно требовалась духовая пища – музыка. Въ салонѣ у ней были рояль и комплектъ партитуръ, сопровождавшіе ея и въ путешествіяхъ. Хаиме садился рядомъ съ нею, передъ клавиатурой, и старался аккомпанировать ей въ пьесахъ, которыя интерпретировались всегда одного итога же автора, божественнаго, единственнаго. Отель находился около станціи: шумъ телѣжекъ, экипажей и трамвайныхъ вагоновъ энервировалъ англичанку, заставлялъ ея закрывать окна. Компаньонка оставалась въ своей комнатѣ, довольная, что не приходится соучаствовать въ этой музыкальной вакханаліи: куда больше удовольствія поработать, какъ слѣдуетъ, надъ ирландской вышивкой. Миссъ Гордонъ, наединѣ съ испанцемъ, вела себя, какъ учительница.

– Ну, еще разъ: повторимъ тему «шпаги». Будьте внимательнѣй.

Но Хаиме былъ разсѣянъ: поглядывалъ украдкой на гладенькую, бѣлую – пребѣлую шею англичанки, съ золотистыми волосиками, съ тью синихъ венъ, слегка обозначившуюся на прозрачной, перламутровой кожѣ.

Однажды вечеромъ шелъ дождь: свинцовое небо, казалось, грозило смыть краску съ крышъ. Въ гостиной разливался тусклый свѣтъ виннаго склада. Играли почти впотьмахъ; читая на бѣломъ пятнѣ нотъ, вытягивали впередъ головы. Шумѣлъ зачарованный лѣсъ, качая зеленымъ, шелестящимъ уборомъ надъ Зигфридомъ, невиннымъ сыномъ природы, жаждавшихъ узнать языкъ и душу неодушевленныхъ предметовъ. Пѣла птица – руководительница, и раздавался ея нѣжный голосъ, временами заглушаемый, среди ропота листвы. Мэри дрожала въ восторгѣ.

– Ахъ, поэтъ!.. Поэтъ!

И продолжала играть. Въ нараставшемъ мракѣ гостиной звучали дикіе аккорды, провозжавшіе героя къ могилѣ, похоронный маршъ воиновъ, несущихъ на длинномъ четырехугольномъ щитѣ коренастое, бѣлое и золотистое тѣло Зигфрида, и прерывающая звуки марша меланхолическая фраза бога боговъ. Мэри играла съ дрожью: вдругъ ея руки отдѣлились отъ клавишей, голова очутилась на плечѣ Хаиме, – словно птица сложила свои крылья.

– О, Рихардъ!.. Рихардъ, mon bien aime!

Испанецъ увидѣлъ ея блуждающіе глаза, ея плачущій ротъ: они отдавались ему; почувствовалъ въ своихъ рукахъ ея холодныя руки. Дыханіе его захватило. На груди его легли два скрытыхъ, эластичныхъ, твердыхъ полушарія, существованія которыхъ онъ не могъ подозревать...

Въ этотъ вечеръ музыки больше не было.

Въ полночь, ложась спать, Фебреръ все еще не могъ опомниться. Онъ былъ первый, первый, достигшій цѣли: внѣ сомнѣнія. Послѣ столькихъ нерѣшительныхъ минутъ все вышло необыкновенно просто, какъ будто предложили руку, безъ всякихъ стараній.

Удивительнымъ казалось и то, что его называли чужимъ именемъ. Кто этотъ Рихардъ? Но въ часъ нѣжныхъ, мечтательныхъ признаній, смѣняющихъ часы безумія и забвенья, она рассказывала ему о впечатлѣніи, которое испытала, впервые увидавъ его среди тысячи головъ зрителей байрейтскаго театра. Это былъ онъ! Онъ, какимъ его изображаютъ юношескіе портреты! И встрѣтившись съ нимъ снова въ Мюнхенѣ, подъ одною кровлею, она поняла, что «жребій брошенъ» и бесполезно бороться противъ притягательной силы.

Фебреръ съ ироническимъ любопытствомъ осмотрѣлъ себя въ зеркало. Что могла найти женщина! Да: онъ походилъ на другого... Мясистый лобъ, рѣдкіе волосы, острый носъ, торчащая борода... Съ годами все это обозначится рѣзче и придастъ ему профиль колдуна... Вели-

колѣпный, славный Рихардъ! Какъ это случилось: онъ подарилъ ему однѣ изъ наиболѣе счастливыхъ минутъ въ жизни?... Что за оригинальная женщина!

И удивленіе его еще увеличилось въ слѣдующіе дни, смѣшиваясь съ горечью. Эта женщина, какъ будто, ежедневно перерождалась, забывая прошлое. Она встрѣчала его съ важнымъ и строгимъ видомъ, словно ничего не произошло, словно факты не оставляли въ ней слѣдовъ, словно предыдущаго дня не существовало. И только когда музыка воскрешала память о другомъ человѣкѣ, она становилась нѣжной и покорной.

Хаиме, выведенный изъ себя, хотѣлъ повелѣвать ею: онъ, какъ – никакъ, мужчина. Онъ сталъ добиваться того, что игры на фортепьяно было меньше и въ немъ она видѣла нѣчто больше живого портрета кумира.

Имъ, опьяненнымъ счастьемъ, Мюнхенъ показался безобразнымъ, скучнымъ показался отель, гдѣ они были чужіе другъ для друга. Они чувствовали потребность на свободѣ ворковать, улетѣть подальше. И въ одинъ прекрасный день очутились въ гавани, гдѣ, у входа, стоялъ каменный левъ, а за нимъ простиралась необозримая равнина громаднаго озера, сливагося на горизонтѣ съ небомъ. Они были въ Линдау. На пароходѣ они могли отправиться, какъ въ Швейцарію, такъ и въ Констанцъ. Предпочли тихій нѣмецкій городъ, знаменитый соборомъ поселились въ гостиницѣ Острова, старомъ доминиканскомъ монастырѣ.

Какъ волновался Фебреръ, вспоминая эту эпоху, лучшую въ его жизни! Мэри, попрежнему, была для него оригинальной женщиной; всегда приходилось покорять ее. Доступная въ извѣстные часы, въ остальное время она держалась холодно и строго. Она была его любовницей; однако онъ не могъ позволить себѣ ни малѣйшей вольности, ничего, говорящаго объ интимностяхъ сожителства. При малѣйшемъ намекѣ на нихъ она краснѣла и протестовала: *shoking!*.. Тѣмъ не менѣе, каждое утро, на зарѣ, Фебреръ по корридорамъ бывшаго монастыря пробирался въ свою комнату, приводилъ въ безпорядокъ кровать, чтобы прислуга ничего не подозрѣвала, и выглядывалъ на балконъ. Въ саду высокихъ розъ, раскинутомъ у его ногъ, пѣли птицы. Дальше, безконечная гладь Констанцскаго озера окрашивалась пурпуромъ солнечнаго восхода. Первые рыбацкія лодочки разрѣзали воду волнами апельсиннаго оттѣнка. Слышался вдали звонъ соборныхъ колоколовъ, разносимый влажнымъ утреннимъ вѣтромъ. Начинали скрипѣть подъемные краны на берегу, гдѣ кончаются дамбы и озеро превращается въ Рейнъ. Шаги слугъ и звуки чистки будили въ отелѣ эхо монастырскаго корридора.

У балкона, совсѣмъ близко, такъ что Хаиме могъ достать рукою, стояла башенка съ шиферной кровлей, со старинными гербами на круглой стѣнѣ. Въ этой башнѣ сидѣлъ Иванъ Гуссъ, передъ смертью на кострѣ.

Испанецъ думалъ о Мэри. Сейчасъ, въ благоухающемъ мракѣ своей комнаты, закинувъ руки за бѣлокурую головку, она покоится первымъ, крѣпкимъ сномъ; ея тѣло устало и еще дрожитъ отъ самыхъ благородныхъ усилій... Бѣдный Иванъ Гуссъ! Фебреръ жалѣлъ его, словно друга. Сожгли передъ очаровательнымъ пейзажемъ, можетъ быть, въ такое же утро!.. Броситься въ пасть волка, отдать жизнь за пререканія о томъ, хорошъ или дурень папа, могутъ или нѣтъ міряне причащаться виномъ, какъ священники! Умереть за это, когда жизнь такъ прекрасна, когда еретикъ могъ бы великолѣпно украсить ее какой-нибудь бѣлокурой, полногрудой, широкобедрой пріятельницей кардинала, присутствовавшей на его казни!.. Несчастный апостолъ Хаиме чувствовалъ ироническую жалость къ наивному мученику. Онъ глядѣлъ на жизнь иными глазами. Да здравствуетъ любовь!.. Она – единственная серьезная вещь въ жизни.

Около мѣсяца они пребыли въ старинномъ епископскомъ городѣ. Прогуливались вечерами по пустыннымъ улицамъ, заросшимъ травой, съ ихъ развалившимися дворцами эпохи Собора. Спускались въ лодкѣ внизъ по Рейну, вдоль береговъ, покрытыхъ лѣсами. Остановливаясь, любясь домиками съ красной крышей и густымъ ползучимъ виноградомъ, подъ навѣсомъ котораго пѣли горожане, съ кружкой въ рукахъ, пѣли, какъ нѣмецкіе регенты – исполненные важной и спокойной радости.

Изъ Костанца они направились въ Швейцарію, а затѣмъ въ Италію. Цѣлый годъ они любовались вмѣстѣ пейзажами, осматривали музеи, посѣщали развалины. Въ закоулкахъ послѣднихъ Хаиме пользовался случаемъ и цѣловаль сахарную кожу Мэри, наслаждаясь заливавшимъ ее румянцемъ и сердитымъ, протестующимъ видомъ. Shoking! Ея спутница, равнодушная словно чемоданъ, къ новымъ мѣстамъ и картинамъ, работала надъ ирландской накидкой, начатой еще въ Германіи, отдѣлывала ее и при переѣздѣ черезъ Альпы, и тогда когда проѣзжали мимо Аппенинъ, и въ виду Везувія или Этны. Будучи лишена возможности разговаривать съ Фебреромъ, не знавшимъ англійскаго языка, она привѣтствовала его, сверкая желтыми зубами, и снова принималась за работу, украшая, какъ декоративная фигура, залы отелей.

Влюбленные собирались повѣнчаться. Мэри разрѣшала вопросъ безапелляціонно и быстро. Требовалось только написать отцу пару строчекъ. Онъ очень далеко. Кромѣ того, она никогда ни о чемъ не совѣтовалась съ нимъ. Онъ одобритъ всякій ея поступокъ, полагаясь на ея расудительность и благоразуміе.

Они были въ Сициліи, въ странѣ, напоминавшей Фебреру его островъ. Предки его, въ свою очередь, показывались сюда, но съ панцыремъ на груди и въ худшей компаніи. Мэри толковала о будущемъ, съ практическимъ чутьемъ, свойственнымъ ея расѣ, устраивала финансовую сторону будущаго союза. Пусть у Фебрера мало средствъ: это не важно, ея богатства хватитъ на обоихъ. И она перечисляла все свое имущество, земли, дома и акціи, какъ управляющій, полагающійся на свою память. По возвращеніи въ Римъ, они обвѣнчаются въ евангелической капеллѣ и католической церкви. Она знакома съ однимъ кардиналомъ, который провель ее къ папѣ. Его преосвященство устроить все.

Хаиме не спалъ цѣлую ночь въ сиракузской гостиницѣ... Жениться? Мэри – пріятная партія: она украситъ его жизнь и принесетъ ему состояніе. Но, дѣйствительно ли она будетъ его женой?.. Его началъ тревожить тотъ другой, знаменитый призракъ, воскрешавшій въ Цюрихѣ, Венеціи, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ они были, гдѣ сохранились воспоминанія о маэстро... Онъ состарится, а музыка, его страшный соперникъ, сохранитъ навсегда свою свѣжесть. Черезъ короткое время, когда бракъ лишитъ ихъ отношенія чаръ незаконнаго, услады запретнаго, Мэри найдетъ какого – нибуль дирижера, еще болѣе похожаго на «того», или безобразнаго виолончелиста, косматаго, юнаго, напоминающаго Бетховена въ ранней молодости. Притомъ, онъ – человекъ иной расы, иныхъ привычекъ, иныхъ страстей. Ему надоѣла эта стыдливая сдержанность въ любви, это противодѣйствіе рѣшительному шагу, которыя въ началѣ нравились ему, какъ постоянное обновленіе женщины, но, въ концѣ концовъ, его утомили. Нѣтъ, еще есть время спастись.

– Жаль: что она подумаетъ объ Испаніи?.. Жаль донъ Кихота, – сказалъ онъ, укладываясь рано утромъ.

И бѣжалъ, бѣжалъ въ Парижъ, гдѣ она не стала бы его искать. Она ненавидѣла этотъ неблагодарный городъ, освиставшій Тангейзера за много лѣтъ до ея рожденья.

Отъ ихъ связи, продолжавшейся годъ, Хаиме сохранилъ лишь воспоминаніе счастья, прикрашеннаго временемъ, и прядь бѣлокурыхъ волосъ; долженъ былъ также сохраниться, среди бумагъ, путеводителей и открытокъ съ видами, забытыхъ въ старинномъ письменномъ столѣ огромнаго дома, портретъ доктора музыки – портретъ Мэри, удивительно милой въ тогѣ съ длинными рукавами, въ четырехугольной шапочкѣ съ кисточкой.

Объ остальной своей жизни онъ почти не помнилъ: тоскливая пустота и финансовыя затрудненія. Управляющій задерживалъ присылку денегъ. Хаиме требовалъ: тотъ отвѣчалъ жалобными письмами, говорилъ о процентахъ, подлежащихъ уплатѣ, о вторыхъ закладныхъ, для которыхъ онъ съ трудомъ находилъ кредиторовъ, о разстройствѣ состоянія, въ которомъ все заложено и перезаложено.

Думая распутать дѣла собственнымъ присутвіемъ, Фебреръ на короткое время прїѣзжалъ на Майорку. Прїѣзды его всегда кончались продажей какого-нибудь имѣнія. Какъ только въ его рукахъ оказывались деньги, онъ опять подымалъ паруса, не внимая совѣтамъ управляющаго. Деньги приносили ему радостное, оптимистическое настроеніе. Все уладится. Въ случаѣ крайности онъ прибѣгнетъ къ браку. А пока... поживемъ!

И онъ пожилъ еще нѣсколько лѣтъ, то въ Мадридѣ, то въ большихъ заграничныхъ городахъ, пока управляющій не положилъ конца періоду веселья и расточительности, приславъ заявленіе о своемъ уходѣ, счета и со счетами отказъ высылать впредь деньги.

Цѣлый годъ Хаиме провелъ на островѣ, «погребенный», какъ онъ выражался, развлекаясь единственно по ночамъ игрой въ Казино, а по вечерамъ на Борне, за столомъ старыхъ прїятелей, осѣдлыхъ островитянъ, наслаждавшихся разсказами объ его странствованіяхъ. Нужда и нужда! вотъ реальная дѣйствительность его настоящей жизни. Кредиторы угрожали ему немедленными взысканіями. Онъ сохранилъ еще за собою внѣшнимъ образомъ Сонъ Фебреръ и другія имѣнія предковъ. Но собственность приносила на островѣ небольшой доходъ; арендная плата, согласно традиціи, была такова же, какъ при предкахъ: семьи арендаторовъ плодились, пользуясь землей. Они уплачивали непосредственно кредиторамъ, но и такъ не погашалась даже половина процентовъ. Богатыя украшенія дворца Фебреръ лишь имѣлъ на складѣ. Благородный домъ Фебреровъ скрылся подъ волнами, и не было возможности поднять его на поверхность. Хаиме иногда хладнокровно думалъ о средствѣ выпутаться изъ бѣды безъ униженій и позора: хорошо, если бы въ одинъ прекрасный вечеръ его нашли въ саду, заснувшего вѣчнымъ сномъ подъ апельсиннымъ деревомъ, съ револьверомъ въ рукѣ.

Въ такомъ положеніи, однажды поздней ночью при выходѣ изъ казино, въ минуту, когда нервная бессонница заставляетъ видѣть вещи въ необычайномъ свѣтѣ, въ новыхъ контурахъ, кто-то подаль ему идею. Богатый чуета, донъ Бенито, Вальсъ его очень любитъ. Нѣсколько разъ онъ добровольно вмѣшивался въ его дѣла, спасалъ его отъ угрожавшихъ опасностей. Онъ руководился личной симпатіей къ Фебреру и уваженіемъ къ его имени. У Вальса была всего одна наслѣдница. При томъ самъ онъ былъ боленъ. Плодовитость его расы не оправдалась на немъ. Его дочь Каталина на зарѣ молодости намѣревалась сдѣлаться монахиней; но теперь, когда ей перевалило за двадцать лѣтъ, она чувствовала большое пристрастіе къ блеску міра и проникалась нѣжной жалостью къ Фебреру, если въ ея присутствіи толковали объ его несчастьяхъ.

Хаиме протестовалъ противъ предложенной идеи почти столь же рѣшительно, какъ и мадо Антонія. Чуета!.. Но идея пробивала себѣ дорогу, непрестанно буравила ее, и работу ея облегчали, подобно смазкѣ, возроставшія, подстерегавшія со дня на день затрудненія и нужды. Почему бы не жениться?.. Дочь Вальса – самая богатая на островѣ наслѣдница, а деньги не знаютъ ни крови, ни расы.

Наконецъ, онъ уступилъ настояніямъ друзей, старательныхъ посредниковъ между нимъ и семействомъ Вальса, и сегодня утромъ отправлялся завтракать въ Вальдемосу, гдѣ Вальсъ проводилъ значительную часть года, лѣчась отъ душившей его астмы.

Напрягая память, Хаиме старался припомнить образъ Каталины. Онъ нѣсколько разъ видѣлъ ее на улицахъ Пальмы. Хорошая фигура, прїятное лицо. Если она будетъ вдали отъ своихъ, если будетъ лучше одѣваться, то окажется очень «представительной» дамой... Но любить ее?

Фебреръ скептически улыбнулся. Развѣ любовь необходима для брака? Бракъ – поѣздка или двѣ поѣздки на пространствѣ остальной жизни. Требуется отъ жены только качества хорошей спутницы по экскурсіи: хорошій характеръ, тождество вкусовъ, одинаковыя наклонности по части ѣды и спанья... Любовь! Всѣ предъявляютъ права на нее, а любовь, какъ талантъ, какъ красота, какъ состояніе есть счастье, достигающееся на долю лишь рѣдкимъ – рѣдкимъ избранникамъ. Случайно, обманъ прикрываетъ это жесткое неравенство: всѣ смертные на закатѣ сво-

ихъ дней съ тоскою вспоминають юность, увѣрены, что дѣйствительно знали любовь, тогда какъ извѣдали лишь безумство отъ прикосновенія кожи.

Любовь – прекрасная вещь, но не необходимая для брака и жизни. Важно избрать хорошую спутницу для остального путешествія, хорошо приспособиться на жизненныхъ путяхъ, согласовать шаги, чтобы не было ни скачковъ, ни столкновений: важно владѣть своими нервами и не щетиниться при постоянныхъ прикосновенияхъ совмѣстной жизни; важно спать, какъ добрые товарищи, уважая другъ друга, не причиняя другъ другу боли колѣнями, не упираясь локтями въ ребра... Онъ надѣялся найти все это и удовлетвориться.

Вдругъ показалась Вальдемаса на вершинѣ холма, окруженная горами. Надъ листвою садовъ, разбитыхъ вокругъ келій, возвышалась башня картезіанскаго монастыря.

Фебреръ увидалъ стоящую на поворотѣ дороги коляску. Изъ нея вышелъ человекъ и замахалъ руками кучеру Хаиме, чтобы тотъ остановилъ своихъ лошадей. Затѣмъ онъ открылъ дверцу, вошелъ, смѣясь, въ экипажъ и усѣлся рядомъ съ Фебреромъ.

– Эге, капитанъ! – произнесъ Хаиме удивленно.

– Не ожидалъ встрѣтиться со мной? Да?... Я тоже, на завтракъ. Пригласилъ самъ себя. То-то удивится мой братъ!..

Хаиме пожалъ ему руку. Это былъ одинъ изъ его вѣрнѣйшихъ друзей – капитанъ Пабло Вальсъ.

III

Пабло Вальсь былъ извѣстенъ всей Пальмѣ. Когда онъ садился на террасѣ какойнибудь кофейни на Борне, около него образовывался кружокъ внимательныхъ слушателей, которые смѣялись надъ его энергичными манерами и громкимъ голосомъ: тихимъ тономъ говорить онъ не умѣлъ.

– Я, – чуета, ну что жъ?.. Еврей изъ евреевъ. Весь нашъ родъ происходитъ съ улицы. Когда я командоваль Roger de Lauria, однажды въ Алжирѣ я остановился у двери синагоги: какой-то старикъ, взглянулъ на меня, сказалъ: – можешь войти: ты изъ нашихъ. – Я протянулъ ему руку, и онъ одобрительно произнесъ: – спасибо, товарищъ по вѣрѣ.

Слушатели смѣялись, а капитанъ Вальсь, громогласно заявляя о своемъ званіи чуеты, смотрѣлъ кругомъ, какъ бы дѣлая вызовъ дамамъ, людямъ и душѣ острова, ненавидящаго его расу нелѣпой вѣковой ненавистью.

Его лицо выдавало его происхождение. Золотисто – сѣрые бакенбарды, короткіе усы характеризовали его, какъ отставного моряка; но краснорѣчивѣ этихъ украшеній изъ волосъ говорили его семитическій профиль, горбатый мясистый носъ, выдающійся подбородокъ, глаза съ продолговатыми вѣками, со зрачками, отливавшими янтаремъ и золотомъ при свѣтѣ, и искорками табачнаго цвѣта.

Онъ много плавалъ, подолгу жилъ въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ. Благодаря пребыванію въ этихъ свободныхъ странахъ, чуждыхъ религіозной ненависти, онъ усвоилъ задорную откровенность, бросалъ вызовъ традиціоннымъ предрасудкамъ острова, спокойнаго, неподвижнаго въ своемъ застоѣ. Другіе чуеты, запуганные вѣковыми преслѣдованіями и презрѣніемъ, скрывали свое происхождение, или старались своей кротостью заставить забыть о немъ. Капитанъ Вальсь при каждомъ удобномъ случаѣ говорилъ о немъ, гордился имъ, какъ дворянскимъ титуломъ, на зло всеобщимъ предрасудкамъ.

– Я еврей, ну что же?.. – продолжалъ онъ кричать. Единовѣрецъ Іисуса, св. Павла и другихъ святыхъ, кому поклоняются въ алтаряхъ. Бутифарры съ гордостью толкуютъ о своихъ предкахъ, а ихъ предкамъ безъ году недѣля. Я болѣе благороденъ, болѣе древняго рода: предки мои были библейскими патриархами.

Затѣмъ, негодуя на предрасудки, яростно преслѣдовавшіе его расу, онъ переходилъ къ нападенію.

– Въ Испаніи, – говорилъ онъ съ достоинствомъ, – нѣтъ христіанина, который могъ задирать носъ. Всѣ мы потомки евреевъ или мавровъ, А кто нѣтъ... кто нѣтъ...

Тутъ онъ останавливался и послѣ короткой паузы рѣшительно заявлялъ:

– А кто нѣтъ, тотъ потомокъ монаха.

На полуостровѣ незнакома традиціонная ненависть къ евреямъ, до сихъ поръ раздѣляющая населеніе Майорки на двѣ касты. Говоря о своемъ отечествѣ, Пабло Вальсь приходитъ въ ярость. Въ немъ не существуетъ евреевъ по вѣрѣ; уже вѣка, какъ уничтожена послѣдняя синагога. Всѣ массамаи крещены, а непокорныхъ сожгла инквизиція. Нынѣшніе чуеты, самые ревностные католики на Майоркѣ; они внесли въ свою вѣру семитическій фанатизмъ. Громко молились, дѣлали священнослужителями своихъ дѣтей, старались устроить своихъ дочерей въ монастыри, фигурировали, – люди богатые, – среди сторонниковъ самыхъ консервативныхъ идей, и, однако, надъ ними тяготѣла антипатія, какъ и въ прошлые вѣка, и жили они одиноко: ни одинъ общественный классъ не желалъ сблизиться съ ними.

– Четыреста пятьдесятъ лѣтъ, какъ впитали мы въ себя воду крещенія, – продолжалъ кричать капитанъ Вальсь, – а все мы проклятые, отверженные, какъ до крещенія. Развѣ это ничего не значитъ?.. Чуеты! Берегитесь ихъ! Дурные люди!.. На Майоркѣ существуетъ два католицизма: одинъ для нашихъ, другой – для прочихъ.

Затѣмъ съ ненавистью, пропитанною, казалось, яростью всѣхъ преслѣдованій, морякъ говорилъ по адресу своихъ собратьевъ.

– Подѣломъ имъ: трусы, слишкомъ любили остроумъ, эту Провіантскую башню³, гдѣ мы родились. Чтобы не оставить ее, сдѣлались христіанами. И вотъ теперь, когда они – настоящіе христіане, имъ платятъ пинками. Останься евреями, разсѣйся по бѣлому свѣту, какъ другіе, были бы они сейчасъ важными особами и банкирами королей, а не сидѣли бы въ уличныхъ лавченкахъ и не дѣлали бы серебрянныхъ кошельковъ.

Скептикъ въ религіозныхъ вопросахъ, онъ презиралъ и атаковалъ всѣхъ – вѣрныхъ своимъ стариннымъ вѣрованіямъ евреевъ, обращенныхъ, католиковъ, мусульмановъ, съ которыми стлкнулся при своихъ путешествіяхъ по берегамъ Африки и гаванямъ Малой Азіи. Но иногда проникался атаквистическими симпатіями и проявлялъ религіозное уваженіе къ своей расѣ.

Онъ – семитъ: – тобъявлялъ онъ съ гордостью, ударяя себя въ грудь. – Первый народъ въ мірѣ. – Жалкіе, подыхали мы съ голоду въ Азіи: тамъ не съ кѣмъ было торговать, некого было скупать деньгами. Но никто, кромѣ насъ, не далъ человѣческому стаду настоящихъ пастырей, которые во вѣки вѣковъ останутся господами людей. Моисей, Иисусъ и Магометъ – изъ моей земли... Три столпа силы! да, кабальеро? А теперь мы дали міру четвертаго пророка, также нашей расы и крови. Только у него два лика и два имени. Съ одной стороны, его зовутъ Ротшильдъ: онъ вождь всѣхъ, кто хранитъ деньги. Съ другой стороны, онъ – Карлъ Марксъ: онъ апостоль тѣхъ, кто хочетъ отнять ихъ у богатыхъ.

Исторію еврейскаго племени на островѣ Вальсъ по своему излагалъ въ немногихъ словахъ. Нѣкогда евреевъ было много, великое множество. Почти вся торговля находилась въ ихъ рукахъ Большая часть кораблей принадлежала имъ. Фебреры и остальные магнаты – христіане не стыдились быть ихъ соучастниками. Старые времена можно назвать временами свободы: преслѣдованія и варварство – явленія сравнительно новыя. Евреи были казначеями королей, медеками и другими придворными въ монархіяхъ полуострова. При зарожденіи религіозной ненависти, наиболѣе богатые и хитрые евреи – островитяне сумѣли во время переменъ вѣру, добровольно, слились съ мѣстными родами и заставили забыть о своемъ происхожденіи. Ииенно эти новые католики потомъ, съ пыломъ неопитовъ, накликали преслѣдованія на своихъ бывшихъ братьевъ. Нынѣшніе чуеты, единственные майоркинцы, еврейское происхожденіе которыхъ извѣстно, – потомки послѣднихъ обращенныхъ, потомки семей, подвергшихся безумнымъ жестокостямъ со стороны инквизиціи.

Быть чуетой, происходитъ съ улицы Серебряниковъ – сокращенно, просто съ улицы, – величайшее несчастіе для майоркинца. Пусть въ Испаніи разыгрывались революціи и провозглашались либеральные законы, признававшіе равенство всѣхъ испанцевъ: пріѣзжая на полуостровъ, чуета былъ гражданиномъ, какъ прочіе, но на Майоркѣ онъ оставался отверженнымъ, своего рода зачумленнымъ и могъ вступать въ бракъ лишь со своими.

Вальсъ язвительно описывалъ общественный строй, при которомъ, соблюдая вѣковую Іерархію, жили различные классы острова; – многія ступеньки іерархической лѣстницы сохранились и теперь неприкосновенными. На вершинѣ ея – гордые *butifarras*; затѣмъ дворянство, кабальеро; далѣе *mossons*; за ними купцы и ремесленники; за купцами и ремесленниками крестьяне – земледѣльцы. Тутъ открывалась громадная скобка въ порядкѣ, которому слѣдовалъ Богъ, создавая тѣхъ и другихъ: громадное пустое мѣсто, которое каждый могъ заполнить посвоей фантазіи. Несомнѣнно, за майоркскими дворянами и плебеями, въ порядкѣ разсмотрѣнія, шли свиньи, собаки, ослы, кошки и крысы... а въ хвостѣ всѣхъ этихъ животныхъ Господа Бога ненавистный обитатель улицы, чуета, парія острова, – все равно, будь онъ богатъ, какъ фатъ капитана Вальса, или интеллигентенъ, какъ другіе. Многіе чуеты, государственные чиновники на полуостровѣ, военные, судьи, финансовые чиновники, возвращаясь на Майорку,

³ Roqueta – провіантская башня старинныхъ крѣпостей.

встрѣчали послѣдняго нищаго, и тотъ смотрѣлъ на себя какъ на высшее существо, считалъ себя оскорбленнымъ и раздражался потокомъ брани противъ нихъ и ихъ семей. Изолированное положеніе этого клочка Испвнїи, окруженнаго моремъ, сохраняло душу былыхъ эпохъ.

Тщеть чуеты, спасаясь отъ ненависти; неумиравшей, несмотря на прогрессъ, обращали свой католицизмъ въ страстную, слѣпую вѣру, этой вѣрѣ сильно способствовалъ впитанный вѣковыми преслѣдованїями въ ихъ душу и тѣло страхъ. Напрасно продолжали они громко молиться въ своихъ домахъ, чтобы слышали сосѣди, подражая въ этомъ отношенїи своимъ предкамъ, которые дѣлали тоже самое и, кромѣ того, обѣдали у оконъ, дабы всѣ видѣли, что они ѣдятъ свинину. Застывшей ненависти, отчужденности нельзя было побороть. Католическая церковь, именующая себя всемірной, была егстока и неумолима съ ними на островѣ, своимъ ревнителямъ отвѣчала недовѣріемъ и отвращенїемъ. Для сыновей чуеть, желавшихъ сдѣлаться пасторами, не находилось мѣста въ семинаріи. Монастыри закрывали двери передъ всякой послушницей, происходившей съ улицы. Дочери чуеть выходили замужъ на полуостровѣ за людей знатныхъ и состоятельныхъ, но на островѣ почти не находилось охотниковъ получить ихъ руку и богатство.

– Дурные люди! – продолжалъ иронически Вальсъ. – Труженники, бережливы, живутъ мирно на лонѣ своихъ семействъ, болѣе ревностные католики, чѣмъ прочіе; но они – чуеты; и разъ ихъ ненавидятъ, у нихъ должно быть что-то особенное. Имѣется... что-то: вы понимаете? Что-то. Кто хочетъ знать, пусть сообразить.

И морякъ со смѣхомъ рассказывалъ о бѣдныхъ крестьянахъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ чистосердечно увѣрявшихъ, что чуеты покрыты шерстью и имѣютъ хвостъ: стоитъ только поймать мальчика улицы, раздѣть его, чтобы убѣдиться въ существованїи хвостового придатка.

– А исторїя съ моимъ братомъ? – продолжалъ Вальсъ. – Съ моимъ святымъ братомъ Бенито, что громогласно молится и, кажется, готовъ съѣсть священныя изображенїя.

Всѣ вспоминали случай съ дономъ Бенито. Вальсъ и отъ всей души хохотали – благо его братъ засмѣялся первый. Богатый чуета, взыскивая долги, оказался владѣльцемъ дома и цѣнныхъ земель въ одномъ мѣстечкѣ, въ глубинѣ острова. Когда онъ отправлялся вступить во владѣніе новой собственностью, благоразумные сосѣди подали ему добрый совѣтъ. Онъ имѣетъ право посѣщать свое имѣніе днемъ, но проводить ночь въ своемъ домѣ... Никогда! Не помнили, чтобы какой-нибудь чуета заночевалъ въ мѣстечкѣ. Донъ Бенито не обратилъ вниманїя на этотъ совѣтъ и остался на ночь въ своемъ домѣ. Какъ только онъ легъ, жильцы разбѣжались. Выспавшись, хозяинъ вскочилъ съ постели; ни малѣйшаго свѣта не прохрдило сквозь щели. Онъ думалъ, что проспалъ, по крайней мѣрѣ, полсутокъ, но оказывалось, была еще ночь. Открылъ окно: голова его больно ударилась о что-то темное. Пытался открыть дверь, но не могъ. Пока онъ спалъ, жители мѣстечка замазали глиной всѣ отверстїя и выходы, и чуетѣ пришлось спасаться черезъ крышу подъ гиканье торжествующей толпы. Эта шутка была лишь предупрежденїемъ: если онъ станетъ нарушать обычай деревни, въ одну прекрасную ночь проснется среди пламени.

– Очень по – варварски, но забавно! – прибавлялъ капитанъ. – Мой братъ!.. Славный человѣкъ!.. Святой!..

При этихъ словахъ всѣ смѣялись. Онъ продолжалъ поддерживать сношенїя съ братомъ, хотя довольно холодныя, и не скрывалъ обидъ, которыя терпѣлъ отъ него. Капитанъ Вальсъ былъ цыганомъ въ семьѣ, вѣчно на морѣ, или далекихъ странахъ, вель жизнь веселаго холостяка: на жизнь ему хватало. И послѣ смерти отца братъ остался управлять дѣлами дома и обобралъ его не на одну тысячу дура.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.